

ФЕДЕРАЛЬНАЯ НОТАРИАЛЬНАЯ ПАЛАТА

Автономная некоммерческая организация
дополнительного профессионального образования

**Центр научно-методического обеспечения
нотариальной деятельности**

М.Н. Илюшина

НОВЕЛЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ И ВОПРОСЫ НОТАРИАЛЬНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

*серия «Электронная библиотека
АНО ДПО «Научно-методический Центр»*

МОСКВА 2023

Марина Николаевна Илюшина

*доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой
гражданского и предпринимательского права
Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России)*

**НОВЕЛЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ
И ВОПРОСЫ НОТАРИАЛЬНОГО
СОПРОВОЖДЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ**

(сборник статей)

*Издание подготовлено
при информационной поддержке
справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»*

**Москва
2023**

Илюшина М.Н. Новеллы законодательства и правоприменительной практики о нотариальном сопровождении деятельности юридических лиц (сборник статей). М.: Фонд развития правовой культуры. 2023. 104 с.

Сведения об авторе

Илюшина Марина Николаевна — доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского и предпринимательского права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), залуженный юрист Российской Федерации, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации и Научно-консультативного совета при Федеральной нотариальной палате.

В издании освещаются актуальные вопросы правового регулирования деятельности юридических лиц, возникающие в повседневной правоприменительной и нотариальной практике.

Автор с учетом анализа норм гражданского законодательства показывает юридическую природу и особенности отдельных видов корпоративных договоров, описывая возможности использования в договорной практике появившихся механизмов договорного регулирования и пределы их использования.

Для нотариусов, их помощников, судей, адвокатов, других практикующих юристов, всех тех, кто интересуется вопросами сопровождения деятельности юридических лиц.

Содержание

Общие собрания в обществах с ограниченной ответственностью как правовое основание возникновения гражданских прав и обязанностей	4
Решение единственного участника хозяйственного общества: новые позиции законодательства и судебной практики.	16
Передача в доверительное управление ценных бумаг, долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций как элемент антикоррупционных стандартов, обеспечивающих предупреждение коррупции	23
Договор конвертируемого займа как новый договорно- обязательственный механизм регулирования корпоративных отношений в обществах с ограниченной ответственностью	34
Новые гражданско-правовые механизмы договорного регулирования и пределы их использования в обороте долей обществ с ограниченной ответственностью	43
Правомочия доверительного управляющего в договоре доверительного управления долями в обществах с ограниченной ответственностью по законодательству о противодействии коррупции	53
Правовое регулирование перехода прав на долю в ООО супругу по неотчуждаемым сделкам	63
Проблема передачи полномочий единоличного исполнительного органа в обществах с ограниченной ответственностью	70
Реестродержатель: особенности правового статуса	77
Выход участника из общества с ограниченной ответственностью: формы внешнего и внутреннего контроля	86
Сделки, опосредующие оборот долей в ООО: современное состояние законодательства и правоприменения	95

Общие собрания в обществах с ограниченной ответственностью как правовое основание возникновения гражданских прав и обязанностей

Общие собрания хозяйственных обществ, как и юридических лиц в целом, в правовом поле Российской Федерации длительное время представляли собой некую организационно-правовую процедуру, закрепленную на уровне специального закона и имеющую довольно узкое назначение — определять внутрикорпоративные отношения, складывающиеся в соответствующем юридическом лице и (или) в отношении участников юридического лица. Такое понимание общих собраний юридических лиц, и прежде всего хозяйственных обществ, определялось правовым регулированием, которое возникло на основе действия множества специальных законов, в том числе Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»¹ (далее — Закон об ООО), где в ст. 32 устанавливалось, что высшим органом общества является общее собрание участников общества, и презюмировалась обязательность проведения очередного собрания участников общества с ограниченной ответственностью. Согласно этой же норме все участники общества вне зависимости от количества долей и их номинальной собственности имели право присутствовать на общем собрании общества, а также принимать участие в голосовании и в обсуждении вопросов, которые были вынесены на повестку дня, а также на основании положений ст. 47 Федерального закона «Об акционерных обществах» (далее — Закон об АО)², содержащей аналогичные правила. Кроме этого, к моменту реформы Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) правовой статус общих собраний в разной степени детализации был закреплен в более чем 20 Федеральных законах³. Вместе с тем было понятно, что целостного и системного понимания этого правового явления не имелось, хотя практика применения корпоративного законодательства в ряде случаев требовала необходимым образом обра-

¹ Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 31.07.2020, с изм. от 24.02.2021) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 7. — ст. 785.

² Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 31.07.2020, с изм. от 24.02.2021) «Об акционерных обществах» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 1. — ст. 1.

³ «Жилищный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 № 188-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 2005, № 1 (часть 1), ст. 14; Федеральный закон от 08.05.1996 № 41-ФЗ «О производственных кооперативах» // Собрание законодательства РФ, 1996, № 20, ст. 2321 и др.

щаться к таким документам, как решение общего собрания, как к основанию возникновения гражданских прав и обязанностей. Речь идет об очень сложной ситуации, возникшей в связи с вступлением в силу Федерального закона от 30.12.2008 № 312-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — ФЗ-312)⁴, который внес самые существенные изменения в Закон об ООО, в том числе изменив состав учредительных документов. А именно, с 1 июля 2019 года законодательством признавался в качестве единственного уставного документа ООО только устав, тогда как ранее таковым являлся еще и учредительный договор, который выполнял функции соглашения учредителей и имел правовую природу договора об осуществлении совместной деятельности, направленного на создание юридического лица, в данном случае — ООО. Именно в данном договоре закреплялось приобретение учредителями права на соответствующую долю в ООО. Учредительный договор ООО указывался в качестве основания приобретения доли в Свидетельстве о наследовании, которое выдавалось наследникам после смерти учредителя ООО как наследодателя. После вступления в силу ФЗ-312 такой учредительный договор перестал заключаться. Впрочем, ранее заключенные учредительные договоры в отношении ООО, созданных до 1 июля 2009 года, продолжали действовать, но только в качестве рядового гражданско-правового договора об осуществлении совместной деятельности, и к таким договорам до сих пор обращаются как к основаниям возникновения прав на долю учредителей. Об изменении правовой природы ранее заключенных в ООО учредительных договоров была сформулирована позиция судебных органов и изложена в п. 9 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 30.03.2010 № 135 «О некоторых вопросах, связанных с применением статьи 5 Федерального закона от 30.12.2008 № 312-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»: «Вместе с тем предусмотренные учредительными договорами права и обязанности сохраняют силу только для сторон этих договоров и применяются в части, не противоречащей новому законодательству (часть 3 статьи 5 Закона № 312-ФЗ)»⁵.

После 1 июля 2009 года таким документом, закрепляющим права учредителей на долю в ООО в силу изменений в Закон об ООО, должен был стать договор об учреждении ООО. Однако налоговые органы, регистрирующие создание ООО и действующие на основе Федерального закона от 08.08.2001

⁴ Собрание законодательства РФ, 2009, № 1, ст. 20.

⁵ Вестник ВАС РФ, № 5, май, 2010.

№ 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (далее — ФЗ-129), не получили этого документа в качестве обязательного документа, необходимого к представлению для государственной регистрации юридического лица. И, соответственно, в ООО, созданных после 1 января 2009 года, договор об учреждении ООО не заключался и не представлялся. Поэтому в нотариальной практике сразу возникла практическая проблема: каким правовым основанием наследникам доказывать принадлежность наследодателю соответствующей доли в ООО, созданного после 1 июля 2009 г., в качестве объекта наследования?

Соответственно, единственным документом, который определял возникновение этого права, стал протокол общего собрания учредителей, где принималось решение о создании ООО и определялись доли отдельных участников ООО. Таким образом, с 2009 года, еще не имея общего закрепления этого правового явления как правового основания возникновения гражданских прав и обязанностей, протокол общего собрания учредителей вошел в нотариальную практику в качестве полноценного юридического факта.

Легальному закреплению общих собраний в качестве самостоятельного правового основания возникновения гражданских прав и обязанностей и в качестве правового института способствовали и тенденции развития экономических отношений, складывающихся в сфере предпринимательской деятельности. Как известно, к 2000 году в сфере внутрикорпоративных отношений стали нарастать мошеннические схемы, рейдерские захваты, и стало понятно, что внутрикорпоративные отношения надо регулировать. Сначала законодатель, по имеющейся традиции, обратился к публично-правовым методам регулирования, приняв изменения в Кодекс об административных правонарушениях⁶, введя с 09.02.2009 новую статью 15.23.1 «Нарушение требований законодательства о порядке подготовки и проведения общих собраний акционеров, участников обществ с ограниченной (дополнительной) ответственностью и владельцев инвестиционных паев закрытых паевых инвестиционных фондов», затем были созданы новые составы и в Уголовном кодексе РФ, где Федеральным законом от 01.07.2010 № 147-ФЗ была введена ответственность за фальсификацию решения общего собрания акционеров (участников)

⁶ Федеральный закон от 09.02.2009 № 9-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части усиления административной ответственности за нарушение законодательства Российской Федерации об акционерных обществах, об обществах с ограниченной ответственностью, о рынке ценных бумаг и об инвестиционных фондах» и Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» в части уточнения определения и конкретизации признаков манипулирования ценами на рынке ценных бумаг» // Собрание законодательства РФ, 16.02.2009, № 7, ст. 777.

хозяйственного общества или решения совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества (статья 185.5)⁷.

Однако указанные меры не дали ожидаемого результата, и при подготовке реформы Гражданского кодекса РФ был создан полный механизм регулирования общих собраний как правосубъектных образований (юридических лиц), так и не правосубъектных образований с учетом их возрастающего значения в гражданском обороте.

Статус общего собрания как нового правового основания был закреплен в статье 8 Гражданского ГК РФ⁸. Причем законодатель, определяя его место в системе оснований возникновения гражданских прав и обязанностей, как нам представляется, руководствовался пониманием того, что данное основание следует рассматривать как очень значимое для возникновения, изменения и прекращения гражданских правоотношений.

Указанное значение общих собраний для гражданского оборота определило и место его закрепления. В системе оснований возникновения гражданских прав и обязанностей решения собраний поставлены на второе место — сразу после таких классических правовых оснований, как сделки и договоры. Кроме этого, в статью 12 ГК РФ, содержащую базовый перечень способов защиты гражданских прав, был введен новый способ защиты прав всех участников гражданского оборота путем оспаривания решений собраний. Причем ценность этого способа состояла именно в том, что с этого момента с иском об оспаривании решений общих собраний могут обращаться не только участники общего собрания, что практиковалось и ранее, но и все лица, чьи права и законные интересы были нарушены решением собрания.

Тем самым законодатель признал значение общих собраний как основания возникновения гражданских правоотношений, включая корпоративные правоотношения, и дополнил тем самым отраслевую характеристику гражданского права в целом. Этот подход к общим собраниям получил свое дальнейшее закрепление и развитие принятием главы 9.1 «Решение собраний» ГК РФ⁹. Надо отметить, что в юридической литературе долгое время велась активная дискуссия о природе общего собрания. В частности, Т.В. Мельникова высказывала позицию, в силу которой решение обще-

⁷ Федеральный закон от 01.07.2010 № 147-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 05.07.2010, № 27, ст. 3431.

⁸ Федеральный закон от 30.12.2012 № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

⁹ Федеральный закон от 7.05.2013 № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации».

го собрания необходимо рассматривать в качестве сделки ввиду того, что эти решения порождают возникновение особого юридического факта, на основании которого изменяются, возникают или прекращаются гражданские правоотношения¹⁰.

Е.А. Крашенинников и Ю.В. Байгушева даже пришли в тот период к выводу о том, что «решение объединения лиц представляет собой многостороннюю сделку, признается подавляющим числом цивилистов»¹¹. С данным выводом трудно было согласиться, поскольку рядом ученых были высказаны и прямо противоположные позиции, более аргументированные. В частности, как отмечает В.К. Андреев: «Волеизъявления участвующих в вынесении решений собрания не схожи с волеизъявлением сторон сделки, поскольку они направлены на разные правовые последствия»¹². В.А. Лаптев обращает внимание на два аспекта: во-первых, что решения собраний представляют собой акт коллективной воли членов корпорации и реализацию существующих корпоративных прав, тогда как сделки порождают (организуют) установление, изменение и прекращение ранее не существовавших гражданско-правовых или предпринимательско-правовых отношений; во-вторых, сделковая конструкция волеизъявления совершенно не может быть принята для общих собраний еще и потому, что невозможно признать субъектом волеизъявления общее собрание, поскольку оно таковым и не является¹³. В.В. Витрянский также противопоставляет решения собрания сделкам, обращая внимание на явные различия в их правовом регулировании¹⁴. Д.В. Ломакин также, характеризуя особенности правовой природы общего собрания, считает, что, признавая решение общего собрания в качестве сделки, как минимум необходимо изменить подходы к пониманию сделок в гражданском праве, так как не подпадает под категории сделки ситуация, при которой акционер, голосовавший против определенного решения, все равно признается участником правоотношений, а соответственно, сделки¹⁵.

¹⁰ Мельникова Т.В. К вопросу о правовой природе актов органов юридического лица / Т.В. Мельникова // Арбитражный и гражданский процесс. — № 6. — 2008. — с. 47.

¹¹ Крашенинников Е.А., Байгушева Ю.В. Односторонние и многосторонние сделки // Вестник ВАС РФ. 2012. № 7.

¹² Андреев В.К. Решения собраний // Цивилист, 2013, № 3.

¹³ Лаптев В.А. Решения собраний и сделки: правовой режим и отличия // Юрист. 2016. № 2. С. 30 — 37.

¹⁴ Витрянский В.В. Новеллы о сделках и решениях собраний. Хозяйство и право, 2016, № 1 (Приложение) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Ломакин Д.В. Общее собрание акционеров / Д.В. Ломакин // Законодательство. — № 3. — 2005. — с. 4.

Выделяя основные признаки решения собрания, стоит отметить, что оно, безусловно, относится к категории юридических фактов-действий, соответственно, носит волевой характер и направлено на порождение правовых последствий для всех лиц, кто участвовал и не участвовал в собрании, в том числе и голосовал против такого решения, то есть представляет собой волевой коллегиальный акт общего собрания участников юридического лица.

При этом представляется, что решения собраний в ООО, да и в любых юридических лицах, никак нельзя признать сделками, поскольку ранее отмеченная особенность корпоративных отношений определяет их особенную правовую природу, отличную от сделок. В ином случае возникают правоприменительные проблемы, в частности недопустимо бланкетное применение норм об основаниях признания решений собраний недействительными по сделковым основаниям, то есть предусмотренным главой 9. Следует обратить внимание на то, что, учитывая такое развитие юридической дискуссии по этому вопросу, законодатель, формируя отдельное правовое регулирование общих собраний, закрепил довольно однозначную позицию по этому вопросу, указав в п. 1 ст. 181.1, что правила главы 9.1 ГК РФ применяются к решениям собраний постольку, поскольку законом или в установленном им порядке не предусмотрено иное (пункт 1 статьи 181.1 ГК РФ). Это означает, что применение каких-либо иных правил должно быть прямо указано как возможное и прямое применение к данным правоотношениям. В частности, речь идет о специальных законах, которые были названы ранее, создающих самостоятельные регулятивные механизмы для общих собраний юридических лиц, например Закон об ООО, Закон об АО и т.д.

Соответственно, можно прийти к выводу, что невозможно прямое применение каких-либо норм главы 9 ГК к регулированию отношений, возникающих в связи проведением и (или) участием в общем собрании или в связи с оспариванием решений общего собрания.

Таким образом, было осуществлено законодательное закрепление позиции, ранее сложившейся в судебной практике, суть которой в том, что решение собрания — не сделка и, соответственно, к правовому регулированию отношений, складывающихся при проведении собрания и, самое главное, при его оспаривании, не могут применяться нормы о сделках¹⁶.

Подчеркивая дискуссионность рассматриваемого вопроса, следует отметить, что в юридической литературе на основании анализа тех же ука-

¹⁶ Подробнее см.: Илюшина М.Н. Новеллы законодательства и правоприменительной практики нотариального удостоверения решения собрания и состава участников хозяйственного общества, присутствовавших при его принятии // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 3. С. 26—33.

занных структурных частей ГК ранее высказывалась прямо противоположная позиция.

В частности, некоторые авторы считали, что, поскольку правила о решениях собраний помещены законодателем в отдельную главу 9.1 — после гл. 9, посвященной сделкам, и обе главы находятся в подразд. 4 ГК РФ «Сделки. Решения собраний. Представительство», такой подход законодателя, на взгляд автора, не дает оснований считать, что решения собраний имеют исключительную правовую природу, отличную от правовой природы гражданско-правовой сделки¹⁷.

Однако по мере развития данных общественных отношений стало ясно, что в результате указанных новаций сформировался полноценный законодательный массив об общих собраниях, где роль общей части выполняют нормы ГК РФ, а особенную часть создали специальные нормативные правовые акты, регулирующие общие собрания как юридических лиц, так и самых разнообразных неправосубъектных объединений. Самыми известными и значимыми положениями для гражданского оборота являются нормы Федеральных законов от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» и от 8.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»¹⁸.

Кроме того, на формирование указанного института в отношении общих собраний хозяйственных обществ большое влияние оказывает введенный с 1 сентября 2014 года Федеральным законом от 5.05.2014 № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» в рамках реформирования главы 4 «Юридические лица» ГК РФ новый механизм контроля за внутрикорпоративной деятельностью, закрепленный в статье 67.1 ГК РФ. Указанный гражданско-правовой механизм является реализацией самостоятельного направления государственного регулирования деятельности хозяйственных обществ. По мнению, высказанному в юридической литературе, законодательство таким образом установило гарантии против фальсификации итогов проведения общего собрания участников общества с ограниченной ответственностью (ООО)¹⁹. Законодатель постоянно обращается к вопросу контроля за решениями общих собраний в ООО.

¹⁷ Труханов К.И. Решения собраний — новая категория в Гражданском кодексе РФ // Закон. 2013. № 10. С. 125 — 134.

¹⁸ Подробнее см.: Илюшина М.Н. Общие собрания в обществах с ограниченной ответственностью как правовое основание возникновения корпоративных прав и обязанностей: новеллы законодательства и правоприменительной практики и проблемы, ими порожденные // Нотариальный вестник, 2020, № 7, с. 15.

¹⁹ Лаптев В.А. Корпоративное право: правовая организация корпоративных систем: монография. М., 2019; Ломакин Д.В. Коммерческие корпорации как субъекты корпоративных правоотношений: учебное пособие. М., 2020.

В частности, участие нотариуса в механизме контроля за принятием общего решения собраний и заседаний в ООО было закреплено в статье 103.10 главы XX.3 «Удостоверение решения органа управления юридического лица» Основ законодательства Российской Федерации о нотариате, что создало процессуальные и процедурные правила нотариального сопровождения общих собраний в ООО²⁰. В 2016 году было внесено изменение в Закон об ООО, которым было закреплено, что такая процедура, как общее собрание, где в повестке дня имеется вопрос об увеличении уставного капитала, должна проводиться общим собранием с использованием только одного способа подтверждения-нотариального удостоверения²¹. Позднее эти правила были распространены на решения единственного учредителя²². С 1 октября 2019 года Федеральным законом от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» сформирован новый общий подход к заочным и очно-заочным решениям, отраженный в пункте 3 статьи 67.1 ГК РФ, которым вводится изменение, исключающее необходимость подтверждения состава участников и принятого решения собраний хозяйственных обществ, которые проводятся заочно и очно-заочно. Казалось бы, был создан достаточно подробный и понятный механизм создания и оспаривания решений общих собраний исходя из его сущности как корпоративного акта. Однако вместе с тем в юридической литературе и в правоприменительной практике не прекращается дискуссия о природе общего собрания. В качестве классического примера можно привести «Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019)²³, который стал причиной бурного обсуждения

²⁰ «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) // Ведомости СНД и ВС РФ, 1993, № 10, ст. 357.

²¹ Федеральный закон от 30.03.2015 № 67-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения достоверности сведений, представляемых при государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // Собрание законодательства РФ, 2015, № 13, ст. 1811.

²² Федеральный закон от 03.07.2016 № 360-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 04.07.2016, № 27 (часть II), ст. 4293.

²³ Бюллетень Верховного Суда РФ, № 5, 2020.

нотариальным сообществом²⁴ и в целом юридической общественностью²⁵. Предметом настоящего обзора послужили акты судебной практики, в которых продолжается указанная тенденция. В п. 15 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2020) судебная коллегия Верховного Суда установила, что «предусматриваемые уставом общества с ограниченной ответственностью правила отчуждения доли в уставном капитале не могут противоречить существу законодательного регулирования отношений участия в таком обществе, заключающегося в том числе в недопустимости ситуации, при которой участнику на неразумно длительный период запрещается отчуждение своей доли или выход из общества с возможностью возврата своих инвестиций»²⁶. Это новая и очень однозначная позиция, впервые прямо оценившая значение положений устава ООО, пределы запретов и ограничений, которые могут устанавливаться в локальных актах хозяйственного общества при переходе прав на долю в ООО, и которая заслуживает отдельного подробного рассмотрения. Верховный Суд рассмотрел дело в основе которого лежит спор о том, возможно ли включить в устав одновременно несколько позиций, ограничивающих право участника на прекращение корпоративных отношений с ООО²⁷. В уставе ООО по спорному делу было установлен запрет на выход из ООО. Это правило вполне возможно установить, поскольку право на выход может быть реализовано только при прямом разрешении на выход в тексте устава. Кроме этого, в нем был сформулирован запрет на продажу доли третьим лицам, и, что самое интересное, право преимущественной покупки участникам общества разрешалось реализовать по цене, которая равна номинальной цене доли. Таким образом, в данном ООО складывалась парадоксальная

²⁴ Письмо ФНП от 15.01.2020 № 121/03-16-3 «О применении некоторых положений обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах», утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁵ Глазунов А.Ю., Горчаков Д.С., Чупрунов И.С. Комментарий к Обзору судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах (часть 1) // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 10. С. 79 — 134. Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики) / П.Д. Багрянская, О.А. Беляева, С.А. Бурлаков и др.; отв. ред. В.М. Жуйков. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2020. Вып. 27. 224 с.

²⁶ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2020), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.11.2020 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁷ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 11.06.2020 № 306-ЭС19-24912 по делу № А65-3053/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

ситуация: участнику невозможно выйти из состава ООО, можно только продать долю, причем продать только путем реализации права преимущественной покупки и по номинальной цене. Если оценивать эту ситуацию с экономической точки зрения, то это классическая кабальная ситуация, когда происходит понуждение к продаже бизнеса по самой низкой цене. Истец и оспаривал положения устава, которые устанавливали продажную цену доли в размере номинальной цены доли.

Но Верховный Суд РФ справедливо отменил состоявшиеся судебные акты и направил дело на новое рассмотрение, заметив, что «решение собрания, утвердившее положение устава общества о закреплении заранее установленной цены покупки доли, которая существенно отличается от ее рыночной стоимости, и без ограничения срока действия такого условия разумным краткосрочным периодом является ничтожным как противоречащее существу законодательного регулирования». Однако при этом высшей судебной инстанцией был осуществлен возврат к позиции, от которой в подавляющем большинстве случаев суды отказались. В частности, ею было указано, что «положения о таком специальном виде сделок, как решения собрания, должны применяться в системной взаимосвязи с общими положениями о сделках в части, не урегулированной правилами о решениях собраний и не противоречащей их существу». Указанный тезис совершенно не соответствует ни законодательному регулированию, ни сложившейся судебной практике. Конечно, можно понять задачи, которые стояли перед судебным составом по данному делу. Во-первых, надо было показать, что не будут защищаться решения собраний и положения устава хозяйственных обществ, в которых одновременно содержатся бесспорно все группы запретов на переход долей: на выход участника из ООО, на продажу доли третьему лицу, и при этом продажа доли установлена только посредством реализации права преимущественной покупки по номинальной цене; во-вторых, решения собраний, которые создают данные ситуации, однозначно будут оцениваться как ничтожные. Но, как нам представляется, даже принимая во внимание совершенно недостаточное содержание законодательного регулирования ничтожности общих собраний, представленное в ст. 181.5 ГК РФ, для достижения этих задач совершенно не надо было смешивать сделки и решения собраний. Или можно было воспользоваться ресурсами, которые ГК РФ предоставил всем правоприменителям, и применить институт отказа в защите прав ввиду злоупотребления им (ст. 10 ГК РФ) в совокупности с правилами ст. 1 ГК о недобросовестности, что действительно в данном случае имеет место. То есть судебные органы вполне могли применить правила, установленные в ст. 1 и 10 ГК РФ, и тем самым не квалифицировать общие собрания как сделку. Приемы такого регулирования сложились еще до осуществленной реформы ГК РФ и широко представлены в судебной

практике.²⁸ Наконец, есть известный способ разрешения споров по общественным отношениям: в отсутствии прямого регулирования — применение закона по аналогии (п. 1 ст. 6 ГК РФ).

Эти ресурсы вполне могли бы позволить высшей судебной инстанции сформировать необходимую позицию, не создавая сложностей и противоречий в правовой квалификации общих собраний хозяйственных обществ.

Делая определенные выводы по затронутой проблеме, следует сказать, что институт общих собраний проходит свое становление как новое правовое явление в связи с пониманием его правовой значимости для корпоративных, да и в целом для гражданских, правоотношений. И совершенно понятно, что в законодательстве обнаруживается тенденция на установление прямого регулирования гражданско-правовыми нормами внутрикorporативной деятельности юридических лиц, и при этом всегда есть направленность судебных органов применить к любым новым актам волеизъявления старые и понятные всем правовые конструкции, такие как сделка или договор. Однако представляется, что корпоративная природа таких актов, как общие собрания, основанная на поиске баланса интересов корпорации и отдельных участников, исключает как прямое применение норм права о сделках, признавая их таковыми, так и формирование в законодательстве закрытых перечней оснований их недействительности.

Библиографический список

1. Андреев В.К. Решения собраний // Цивилист, 2013, № 3.
2. Витрянский В.В. Новеллы о сделках и решениях собраний. Хозяйство и право, 2016, №1 (Приложение) // СПС «Консультант Плюс».
3. Глазунов А.Ю., Горчаков Д.С., Чупрунов И.С. Комментарий к Обзору судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах (часть 1) // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 10. С. 79 — 134.
4. Илюшина М.Н. Новеллы законодательства и правоприменительной практики нотариального удостоверения решения собрания и состава участников хозяйственного общества, присутствовавших при его принятии // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 3.
5. Илюшина М.Н. Общие собрания в обществах с ограниченной ответственностью как правовое основание возникновения корпоративных прав и обязанностей: новеллы законодательства и правоприменительной

²⁸ П. 1 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 25.11.2008 № 127 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».

практики и проблемы, ими порожденные // Нотариальный вестник, 2020, № 7.

6. Крашенинников Е.А., Байгушева Ю.В. Односторонние и многосторонние сделки // Вестник ВАС РФ. 2012. № 7.

7. Лаптев В.А. Решения собраний и сделки: правовой режим и отличия // Юрист. 2016. № 2.

8. Лаптев В.А. Корпоративное право: правовая организация корпоративных систем: монография. М., 2019.

9. Ломакин Д.В. Общее собрание акционеров / Д.В. Ломакин // Законодательство. — № 3. — 2005.

10. Ломакин Д.В. Коммерческие корпорации как субъекты корпоративных правоотношений: учебное пособие. М., 2020.

11. Мельникова Т.В. К вопросу о правовой природе актов органов юридического лица / Т.В. Мельникова // Арбитражный и гражданский процесс. — № 6. — 2008.

12. Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики) / П.Д. Багрянская, О.А. Беляева, С.А. Бурлаков и др.; отв. ред. В.М. Жуйков. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2020. Вып. 27. 224 с.

13. Труханов К.И. Решения собраний — новая категория в Гражданском кодексе РФ // Закон. 2013. № 10.

Решение единственного участника хозяйственного общества: новые позиции законодательства и судебной практики

Нотариальная практика самым непосредственным образом связана с корпоративной деятельностью юридических лиц. Юридические лица активным образом пользуются нотариальной помощью, причем объем их взаимодействия с нотариусами в последний период только возрастает. Всем понятна причина такой тенденции развития указанных отношений. У законодателя крепнет уверенность в необходимости устанавливать прямое регулирование гражданско-правовыми нормами внутрикорпоративной деятельности юридических лиц и тем самым избегать необходимости применять административное или уголовное законодательство.

Таким образом, наблюдается стойкая тенденция включения в прямое регулирование гражданско-правовыми правилами новых областей общественных отношений в сфере корпоративных интересов. Доказательством этого направления развития законодательства выступают новеллы корпоративного законодательства, вступившие в силу в июле 2021 г. Новые положения коснулись совершенствования порядка принятия решений собраний в Гражданском кодексе РФ¹, в том числе с учетом информационных технологий, уточнения способа подтверждения решений единственного участника юридического лица², а также создали новый типизированный гражданско-правовой договор, регулирующий корпоративные отношения, — конвертируемый займ³. Все указанные новеллы требуют своего внимательного изучения с целью выяснения и избежания возможных проблем, которые могут возникнуть в процессе правоприменения. Примером тому является новый механизм подтверждения решений единственного участника хозяйственного общества. Вопрос о том, следует или не следует подтверждать решения единственного участника хозяйственного общества — и единственного акционера, и

¹ Федеральный закон от 28.06.2021 № 225-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ, 2021, № 27 (часть I), ст. 5053.

² Федеральный закон от 01.07.2021 № 267-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ, 2021, № 27 (часть I), ст. 5095.

³ Федеральный закон от 02.07.2021 № 354-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ, 2021, № 27 (часть I), ст. 5182.

единственного участника ООО, — постоянно возникал в нотариальной практике с момента введения общих требований об обязательном подтверждении решений общих собраний в ООО и АО с 1 сентября 2014 г.⁴ Но прямого указания на обязательность этой процедуры в законодательстве установлено не было, а если исходить из прямого понимания правила, установленного пунктом 3 ст. 67.1 ГК РФ, то изучение текста нормы позволяет сделать только один вывод: оно распространяется только на общие собрания хозяйственных обществ. Кроме этого, в п. 103 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» дано определение понятия «решение общих собраний хозяйственных обществ», о котором и говорится в п. 3 ст. 67.1 ГК РФ: «...по смыслу пункта 1 статьи 2, пункта 6 статьи 50 и пункта 2 статьи 181.1 ГК РФ под решениями собраний понимаются решения гражданско-правового сообщества, т.е. определенной группы лиц, наделенной полномочиями принимать на собраниях решения, с которыми закон связывает гражданско-правовые последствия, обязательные для всех лиц, имевших право участвовать в таком собрании, а также для иных лиц, если это установлено законом или вытекает из существа отношений». Соответственно, было с самого начала понятно, что такого органа, как общие собрания, в хозяйственных обществах с одним учредителем (участником) не имеется, соответственно, и решений общих собраний в таких «компаниях одного лица» тоже нет. Эту позицию поддерживали и судебные органы при разрешении конкретных дел. В частности, по одному из дел суд указал, что из смысла статьи 39 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» следует, что в обществе с ограниченной ответственностью, состоящем из одного участника, общие собрания участников общества не проводятся, а вопросы, относящиеся к компетенции общего собрания участников общества, решаются одним участником. Поскольку требование о нотариальном удостоверении, установленное подпунктом 3 пункта 3 статьи 67.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, относится к оформлению решения общего собрания участников общества, на решение единственного участника общества оно не распространяется⁵. Но оставлять совершенно без ка-

⁴ Федеральный закон от 05.05.2014 № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // СЗ РФ, 12.05.2014, № 19, ст. 2304.

⁵ Письмо ФНС России от 06.07.2017 № ГД-4-14/13154@ «О направлении «Обзора судебной практики по спорам с участием регистрирующих органов № 2 (2017)» // СПС «КонсультантПлюс».

ких-либо контрольных процедур данные хозяйственные общества тоже было нельзя. ФНС, несмотря на указанную позицию судов при толковании п. 3 ст. 67 ГК РФ, последовательно проводила политику отказа в приеме решений единственного участника ООО, не подтвержденного способом, указанным в п. 3 ст. 67.1 ГК.

К 2016 году наметилось определенное изменение позиций законодателя по этому вопросу. Соответственно, сразу же после установления законодательных требований об обязательном нотариальном подтверждении решений общих собраний в ООО об увеличении уставного капитала (п. 3 ст. 17 Закона об ООО⁶, вступившего в силу с 1 января 2016 г.) законодатель включает в механизм проверочных процедур и решения единственного участника. С 15 июля 2016 года в этот же п. 3 статьи 17 Закона об ООО вносится новое правило следующего содержания: «Решение единственного участника общества об увеличении уставного капитала подтверждается его подписью, подлинность которой должна быть засвидетельствована нотариусом». С учетом этого правила была установлена и процедура свидетельствования. Однако проблема понимания того, требуется ли подтверждать все решения, принимаемые единственным участником АО и ООО, по аналогии с решениями общих собраний этих юридических лиц, так и не была решена. При этом понятно, что законодательство, регулирующее корпоративные отношения, формируется на уровне федерального законодательства — это либо правила ГК РФ, либо нормы соответствующих федеральных законов.

Вот здесь и наблюдается определенная проблема — не всегда законодатель может вовремя сформировать свою позицию, тогда как общественные отношения уже существуют, и создается конфликтная ситуация, требующая своего разрешения. В этой ситуации в значительной степени возрастает значение судебной практики, которая пытается дать ответы на вопросы, на которые длительное время не может ответить в законодательстве, тогда как соответствующие общественные отношения требуют регулирования и защиты. В качестве классического примера можно привести «Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019)⁷ (далее — Обзор), который под-

⁶ Федеральный закон от 30.03.2015 № 67-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения достоверности сведений, представляемых при государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // СЗ РФ, 30.03.2015, № 13, ст. 1811.

⁷ Бюллетень Верховного Суда РФ, № 5, 2020.

вергся активному обсуждению нотариальным сообществом⁸ и в целом юридической общественностью⁹.

Предметом настоящего Обзора послужили акты судебной практики, в которых судебные органы попытались на уровне защиты нарушенных прав участников корпоративных отношений решить вопрос оформления решений единственного участника ООО и АО. В п. 3 Обзора нашла свое закрепление позиция Верховного Суда РФ о том, что требование о нотариальном удостоверении, установленное подпунктом 3 пункта 3 статьи 67.1 ГК РФ, распространяется и на решение единственного участника. Аргументируя данную позицию, Верховный Суд поддержал определение суда кассационной инстанции, который отменил решение суда первой инстанции и постановление апелляционной инстанции, в удовлетворении требования отказал, указав, что подпункт 3 пункта 3 статьи 67.1 ГК РФ направлен на то, чтобы исключить фальсификацию решения, принимаемого высшим органом управления общества, и действие указанной нормы в равной мере распространяется и на решение единственного участника общества, которое также подвержено риску фальсификации.

Соответственно, в силу необходимости принять и учитывать данную позицию ФНП в Письме от 15.01.2020 № 121/03-16-3 «О применении некоторых положений обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019» уточнил применение данного положения и привел убедительную аргументацию для введения подтверждения решения единственного участника общества с ограниченной ответственностью в форме свидетельствования подлинности подписи этого участника. В частности, Федеральная нотариальная палата указала, что, исходя из системного толкования статьи 67.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, статей 17 (пункт 3) и 39 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью», а также пункта 3 Обзора, решение единственного участника общества с ограничений от-

⁸ Письмо ФНП от 15.01.2020 № 121/03-16-3 «О применении некоторых положений обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019» // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Глазунов А.Ю., Горчаков Д.С., Чупрунов И.С. Комментарий к Обзору судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах (часть 1) // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 10. С. 79 — 134. Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики) / П.Д. Багрянская, О.А. Беляева, С.А. Бурлаков и др.; отв. ред. В.М. Жуйков. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2020. Вып. 27. 224 с.

ветственностью может быть подтверждено в достаточной степени путем проверки личности и полномочий лица, подписывающего соответствующий документ, что полностью соответствует действиям, совершаемым нотариусом при свидетельствовании подлинности подписи. В связи с этим для подтверждения решения единственного участника общества с ограниченной ответственностью рекомендуется свидетельствовать подлинность подписи единственного участника общества на таком решении. То же действие может применяться и для подтверждения принятия решения единственным акционером¹⁰.

Такая позиция в оформлении решений единственного участника продержалась с 25 декабря 2019 г.¹¹ до 1 июля 2021 г., то есть до принятия Федерального закона от 01.07.2021 № 267-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», которым были внесены изменения в Федеральный закон от 8 февраля 1998 года № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»¹² и в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 года № 4462-1¹³ (далее — Основы) в части принятия и оформления решения единственным участником ООО. Законодатель решил максимально приблизить правовое регулирование контроля за принятием решения единственного участника ООО к порядку принятия решения общим собранием ООО. С этой целью было впервые сформировано общее правило, вступившее в силу с 1 июля 2021 г., о том, что факт принятия решения общего собрания участников общества об увеличении уставного капитала и состав участников общества, присутствовавших при принятии указанного решения, факт принятия решения единственным участником общества об увеличении уставного капитала должны быть подтверждены путем нотариального удостоверения. Порядок нотариального подтверждения в соответствии с указанным правилом был установлен путем введения в Основы новой статьи 103.10-1 «Удостоверение решения единственного участника юридического лица», в которой теперь сформирована процедура совершения нотариального подтверждения решения единственного участника ООО: «По просьбе единственного участника юридического лица нотариус удостоверяет факт принятия решения

¹⁰ СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Эта дата действия положений Обзора была уточнена в Определении Верховного Суда РФ от 30.12.2019 № 306-ЭС19-25147 по делу № А72-7041/2018, где было высказано мнение, что указанные разъяснения применяются, только если решение общего собрания (единственного участника) принято после 25.12.2019.

¹² Собрание законодательства Российской Федерации, 1998, № 7, ст. 785.

¹³ Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, 1993, № 10, ст. 357.

единственным участником юридического лица, о чем выдает свидетельство. Нотариус устанавливает личность единственного участника юридического лица, его полномочия и право на принятие решения». Таким образом, с 1 июля 2021 г. корпоративные правоотношения получили общий нотариальный способ подтверждения решений общего собрания ООО и единственного участника ООО в случаях, предусмотренных законом, в форме выдачи свидетельства. На сегодняшний день установлена обязательность нотариального удостоверения решений ООО в трех случаях:

- решения общего собрания и единственного участника об увеличении уставного капитала (п. 3 ст. 17 Закона об ООО);

- решения общего собрания и единственного участника о переходе на альтернативный способ подтверждения решений (п. 2 Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах);

- решение о предварительном согласии общего собрания ООО на заключение договора конвертируемого займа, которое дается посредством принятия решения об увеличении его уставного капитала на основании заявления участника этого общества о внесении дополнительного вклада или заявления третьего лица о принятии его в общество и внесении вклада, в счет внесения которого будет осуществляться зачет денежных требований займодавца к обществу по обязательствам из договора конвертируемого займа (п. 10 ст. 19.1 Закона об ООО).

В нотариальной практике довольно часто возникает вопрос: а распространяются ли указанные правила о подтверждении любого решения единственного участника ООО на решение единственного акционера? Аргументы, которые приводят сторонники позиции, что этот порядок установлен только для ООО, очень просты. По их мнению, эти требования установлены только в Законе об ООО, а в Законе об АО такого правила нет. Однако при оценке указанного подхода нельзя игнорировать то обстоятельство, что, как замечено в юридической литературе, «...использованная в Обзоре аргументация анализируемой позиции и заявленные Президиумом цели подсказывают, что Президиум имел в виду необходимость квалифицированного подтверждения (с помощью регистратора или нотариуса) в том числе решений единственных акционеров АО (при том что отсутствуют основания отрицать отмеченную Конституционным Судом РФ схожесть корпоративной природы ООО и АО)»¹⁴. Кроме того, как далее замечает тот же автор, банки и вовсе приступили к рассылке клиентам уведомлений о необходимости соблюдения требования об удо-

¹⁴ Микрюков В.А. Аналогия в механизме нотариального подтверждения решений единственного участника ООО и АО // Право и экономика. 2020. № 5. С. 73 — 79 // СПС «КонсультантПлюс».

стоверении (нотариусом или регистратором) решений единственных акционеров¹⁵. Нам представляется, что указанная позиция является единственно верной. Вместе с тем является бесспорным, что нотариальная практика должна опираться на законодательные положения, в силу чего такого рода предписания к порядку подтверждения решений собраний единственного участника АО не могут закрепляться ни в положениях судебной практики, ни выводиться из ее толкования. Соответственно, на наш взгляд, указанные положения о порядке подтверждения решения единственного учредителя должны быть закреплены в виде императивного правила в Законе «Об акционерных обществах».

Библиографический список

1. Глазунов А.Ю., Горчаков Д.С., Чупрунов И.С. Комментарий к Обзору судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах (часть 1) // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 10. С. 79 — 134.
2. Микрюков В.А. Аналогия в механизме нотариального подтверждения решений единственного участника ООО и АО // Право и экономика. 2020. № 5. С. 73 — 79 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики) / П.Д. Багрянская, О.А. Беляева, С.А. Бурлаков и др.; отв. ред. В.М. Жуйков. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2020. Вып. 27. 224 с.
4. Письмо ФНС России от 06.07.2017 № ГД-4-14/13154@ «О направлении «Обзора судебной практики по спорам с участием регистрирующих органов № 2 (2017)» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Письмо ФНП от 15.01.2020 № 121/03-16-3 «О применении некоторых положений обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Там же.

Передача в доверительное управление ценных бумаг, долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций как элемент антикоррупционных стандартов, обеспечивающих предупреждение коррупции¹

В докладе Генерального секретаря ООН «Положение в области преступности и уголовного правосудия в мире» на XIV Конгрессе ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию, прошедшем в Киото (Япония) с 7 по 12 марта 2021 г., со ссылкой на повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, признается, что коррупция представляет собой серьезное препятствие на пути устойчивого развития. Она оказывает пагубное воздействие на политические, социальные, культурные, институциональные и организационные структуры, а также на экономические и структурные меры политики и может негативно сказываться на многих аспектах повседневной жизни². Реализация мер, направленных на минимизацию коррупционных рисков, безусловно, представляет собой комплексную деятельность. Именно понимание комплексного характера антикоррупционной деятельности положено в основу построения антикоррупционного законодательства. Следует отметить, что антикоррупционное законодательство (в широком его понимании) представлено довольно многочисленным количеством правовых актов, начиная с федеральных законов и Национального плана противодействия коррупции и заканчивая региональными правовыми актами, содержащими такие меры.

Следует отметить, что данное законодательство находится в постоянном движении, и это его сущностная особенность, поскольку оно должно оставаться эффективным в отношении коррупционных проявлений,

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве РФ.

² Ведерникова О.Н., Кравцов Д.А. Международный и зарубежный опыт профилактики коррупции, с.83. // Профилактика коррупционных правонарушений. Актуальные вопросы применения законодательства о противодействии коррупции и основные направления профилактики коррупционных правонарушений. Сборник докладов участников семинара-совещания с руководителями антикоррупционных и кадровых подразделений федеральных органов исполнительной власти и организаций, созданных для выполнения задач, поставленных перед Правительством Российской Федерации, а также органов исполнительной власти ряда субъектов Российской Федерации. Москва Генеральная прокуратура РФ 2021 г.с.6//file:///C:/Users/ilyus/Dow№loads/sbor№ik2021.pdf.

которые в свою очередь имеют своей особенностью непрерывное изменение своих форм и способов. Надо отметить, что в Национальном плане противодействия коррупции на 2021 — 2024 годы³ в первую очередь уделено внимание совершенствованию форм, методов и механизмов, связанных с совершенствованием системы запретов, ограничений и обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции в отдельных сферах деятельности (Раздел I), и с повышением эффективности мер по предотвращению и урегулированию конфликта интересов (Раздел II). Такой подход представляется единственно верным в современный период экономического развития.

В Российской Федерации созданы надлежащие правовые основы противодействия коррупции, и сейчас наступил этап их последовательной реализации, одной из задач которого является обеспечение постоянного и тщательного контроля за соблюдением установленных антикоррупционных правил, в том числе путем создания необходимых условий для определенных видов деятельности, что в свою очередь обеспечивает создание надлежащей атмосферы нетерпимости к коррупционным проявлениям. Данный этап предполагает прежде всего создание и совершенствование реализационных механизмов, на основе которых формируются конкретные модели поведения обязанных лиц. В частности, в целях повышения эффективности мер по предотвращению и урегулированию конфликта интересов установлен отдельный механизм для определения судьбы таких объектов гражданского оборота, принадлежащих лицам, в отношении которых осуществляются антикоррупционные меры, как ценные бумаги, акции, доли участия, паи в уставных (складочных) капиталах организаций. По мнению, высказанному в юридической литературе, такого рода меры квалифицируются как особые требования, адресованные лицам, занимающим должности в органах власти и иных государственных, а также муниципальных органах, которые необходимы в связи с осуществлением этими лицами публично-правовых функций⁴. В ряду особых требований к указанным лицам выступает необходимость соблюдения группы ограничений «...на совершение деяний, которые не запрещены как таковые, однако в связи с тем, что их совершение может негативно сказаться на выполнении субъектом своих должностных обя-

³ Указ Президента РФ от 16.08.2021 № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021 — 2024 годы» // Собрание законодательства РФ, 2021, № 34, ст. 6170.

⁴ Трофимова Г.А. Деяния, несовместимые с должностью, как основание конституционно-правовой ответственности. // Актуальные проблемы российского права, 2021, № 1 // СПС «КонсультантПлюс».

занностей, их совершение не допускается впредь до сохранения должностных полномочий»⁵. Как отмечается в доктринальной литературе, наиболее эффективными инструментами профилактики коррупции, как правило, признаются меры финансового контроля в отношении чиновников (в частности, требования о декларировании доходов, расходов, счетов, финансовых инструментов, имущества, обязательств имущественного характера и т.д.), урегулирование конфликта, возникающего в ходе исполнения лицом должностных обязанностей, между его личными интересами и публичным интересом, связанным с реализацией полномочий по занимаемой должности, а также различный набор антикоррупционных ограничений, запретов и обязанностей⁶.

Следует отметить, что такого рода ограничения устанавливаются не в целях формирования содержания профессиональной деятельности, как это сделано, например, для аудиторов⁷ или членов саморегулируемой организации⁸, а в порядке применения антикоррупционных мер, предусмотренных ч. 6 ст. 11 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее — Закон «О противодействии коррупции»).

Участие в управлении коммерческой организацией квалифицируется в юридической доктрине в качестве субъективного права участия в управлении делами корпорации и составляет вместе с другими правами содержание корпоративных правоотношений, возникающих у любого участника коммерческой корпоративной организации⁹. Таким образом, все

⁵ Там же.

⁶ Юсуфов А.Ш. Осуществление международного сотрудничества по вопросам профилактики коррупции: опыт и перспективы. // Профилактика коррупционных правонарушений. Актуальные вопросы применения законодательства о противодействии коррупции и основные направления профилактики коррупционных правонарушений. Сборник докладов участников семинара-совещания с руководителями антикоррупционных и кадровых подразделений федеральных органов исполнительной власти и организаций, созданных для выполнения задач, поставленных перед Правительством Российской Федерации, а также органов исполнительной власти ряда субъектов Российской Федерации. Москва Генеральная прокуратура РФ. 2021 г.с.6//file:///C:/Users/ilyus/Downloads/sborNeik2021.pdf. с.91.

⁷ Часть 3 ст. 8 Федерального закона от 30 декабря 2008 г. № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» // Собрание законодательства РФ, 2009, № 1, ст. 15.

⁸ Части 4 и 5 ст. 8 Федерального закона от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» // Собрание законодательства РФ, 2007, № 49, ст. 6076.

⁹ См. подробнее: Корпоративное право: Учебник, отв. ред. И.С. Шиткина, М. Статут, 2019 // СПС «КонсультантПлюс».

участники хозяйственных обществ обладают правом управления в них. В соответствии с подп. 3.2 ст. 12.1 Закона «О противодействии коррупции» лица, замещающие государственные должности Российской Федерации, если федеральными конституци

онными законами или федеральными законами не установлено иное, не вправе участвовать в управлении коммерческой или некоммерческой организацией. Соответственно, законодательство, используя такие очень широкие формулировки, прямо не запрещает для указанной категории лиц быть участниками коммерческих корпоративных юридических лиц. Правила порядка участия в хозяйственном обществе и положения о возможности выступать в качестве учредителя хозяйственного общества, установленные в ст. 12.1 Закона «О противодействии коррупции», в юридической литературе оцениваются в качестве косвенных ограничений¹⁰. Примером более точного определения подобного ограничения является правило, закрепленное в подп. «г» пункта 2 статьи 6 Федерального закона от 08.05.1994 № 3-ФЗ «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации». В силу названного правила сенатор Российской Федерации, депутат Государственной Думы не вправе участвовать в деятельности по управлению хозяйственным обществом или иной коммерческой организацией, в том числе входить в состав таких органов управления коммерческой организации, пребывание в которых невозможно без специального личного волеизъявления, а также участвовать в работе общего собрания как высшего органа управления хозяйственного общества, за исключением участия на безвозмездной основе в деятельности коллегиального органа организации на основании акта Президента Российской Федерации или акта Правительства Российской Федерации с уведомлением соответствующей палаты Федерального Собрания Российской Федерации¹¹. Указанная редакция закона позволяет уже более точно толковать норму, установленную для сенаторов Российской Федерации и депутатов Государственной Думы, как закрепление ограничения на деятельность по управлению коммерческой организацией, а не как ограничение права участия в ней.

Однако на практике при занятии группы должностей такое ограничение толкуется самым широким образом, и статус учредителя или участника хозяйственного общества, хозяйственного партнерства является препятствием для этого.

В силу сказанного единственным способом исполнить указанные ограничения — это перестать быть участником данного хозяйственного

¹⁰ Там же.

¹¹ Собрание законодательства РФ, 1994, № 2, ст. 74.

общества. Например, при поступлении на службу в органы прокуратуры граждан обязан инициировать процедуру выхода из состава учредителей юридического лица путем подачи соответствующего заявления, в том числе о сложении полномочий, либо заключения договора купли-продажи своей доли в уставном капитале; подать в налоговый орган заявление о прекращении деятельности в качестве предпринимателя; принять меры к отчуждению акций другому лицу, а также иные меры в целях прекращения деятельности, которая может быть расценена как предпринимательская¹².

Однако в ряде случаев для исполнения указанных ограничений используют и такой механизм, как передача ценных бумаг, акций, долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций в доверительное управление, полагая, что такой механизм исключает личное участие в управлении коммерческой корпоративной организацией.

Прямое правило в отношении порядка владения ценными бумагами, акциями, долями участия, паями в уставных (складочных) капиталах организаций установлено в ст. 12.3 Закона «О противодействии коррупции» как мера по предотвращению и урегулированию конфликта интересов. В силу указанного правила в случае, если владение ценными бумагами (долями участия, паями в уставных (складочных) капиталах организаций) лицами, поименованными в данном законе, приводит или может привести к конфликту интересов, указанное лицо обязано передать принадлежащие ему ценные бумаги (доли участия, паи в уставных (складочных) капиталах организаций) в доверительное управление в соответствии с гражданским законодательством Российской Федерации.

Соответственно, ограничения в отношении указанных субъектов в части правомочий, принадлежащих им как участникам коммерческих корпоративных юридических лиц в части владения ценными бумагами, акциями, долями участия, паями в уставных (складочных) капиталах ор-

¹² Соколов М.С. Ограничения, запреты и обязанности работников органов и организаций прокуратуры Российской Федерации в соответствии с законодательством о противодействии коррупции // Профилактика коррупционных правонарушений. Актуальные вопросы применения законодательства о противодействии коррупции и основные направления профилактики коррупционных правонарушений. Сборник докладов участников семинара-совещания с руководителями антикоррупционных и кадровых подразделений федеральных органов исполнительной власти и организаций, созданных для выполнения задач, поставленных перед Правительством Российской Федерации, а также органов исполнительной власти ряда субъектов Российской Федерации. Москва, Генеральная прокуратура РФ. 2021 г. //file:///C:/Users/ilyus/Downloads/sborNoik2021.pdf. с.118.

ганизаций, могут быть установлены в двух случаях, предполагающих раз-
личный порядок их реализации.

Во-первых, это порядок, обеспечивающий передачу ценных бумаг, акций, долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах как условие занятия соответствующей должности. Эта ситуация складывается, когда владение ценными бумагами, акциями, долями участия, паями в уставных (складочных) капиталах организаций является недопустимым для занятия соответствующей должности.

Во-вторых, указанные в законодательстве лица обязаны передать в доверительное управление принадлежащие им ценные бумаги (доли участия, пай в уставных (складочных) капиталах организаций) в случае, если владение ими приводит или может привести к конфликту интересов. Здесь следует отметить, что такая мера профилактики, как предотвращение конфликта интересов, получает свое развитие как одна из самых приоритетных мер по предупреждению коррупции. Например, в сопоставлении с 2018 г. на 16% больше государственных и муниципальных служащих, а также работников организаций, подведомственных федеральным государственным органам, стали уведомлять о конфликте интересов и принимать меры по его предотвращению и урегулированию (в 2018 г. направили уведомления 23,5 тыс. человек, приняли меры 19,3 тыс., в 2020 г. — 27,9 тыс. и 22,9 тыс. соответственно)¹³. Однако, как признается в доктринальных источниках, эта мера не носит абсолютного характера и, как следует из совокупности положений ст. 17 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»¹⁴ и ст. 123 Закона «О противодействии коррупции», в случае, если государственный служащий владеет ценными бумагами (долями участия, паями в уставных (складочных) капиталах организаций), он обязан в целях предотвращения конфликта интересов передать принадлежащие ему ценные бумаги (доли участия, пай в уставных (складочных) капиталах организаций) в доверительное

¹³ Аникин А.А. Отдельные вопросы формирования и реализации государственной антикоррупционной политики // Профилактика коррупционных правонарушений. Актуальные вопросы применения законодательства о противодействии коррупции и основные направления профилактики коррупционных правонарушений. Сборник докладов участников семинара-совещания с руководителями антикоррупционных и кадровых подразделений федеральных органов исполнительной власти и организаций, созданных для выполнения задач, поставленных перед Правительством Российской Федерации, а также органов исполнительной власти ряда субъектов Российской Федерации. Москва, Генеральная прокуратура РФ. 2021 г.с.6 //file:///C:/Users/ilyus/Downloads/sborNcik2021.pdf

¹⁴ Собрание законодательства РФ, 2004, № 31, ст. 3215.

управление в соответствии с гражданским законодательством только в случае, если владение приводит или может привести к конфликту интересов¹⁵.

Что значит «передать в доверительное управление в соответствии с гражданским законодательством»? Это означает, что механизм, построенный на антикоррупционном законодательстве и носящий императивный характер, на этом этапе должен приобрести природу гражданского правоотношения, возникающего на основе гражданско-правового договора, регулируемого нормами легального договорного типа, закрепленного в главе 53 «Доверительное управление имуществом» ГК РФ. Следует отметить, что данный договор не в полной мере будет отвечать принципу свободы договора, закрепленного в статье 421 ГК РФ. Данный договор должен быть заключен обязанным лицом, и такого права выбора, как заключать или не заключать договор доверительного управления, у такого лица в этом случае не имеется. Кроме того, сразу следует отметить, что не может быть и в целом типовой ситуации в отношении данного договора, поскольку речь идет о разных объектах гражданского оборота, имеющим разную правовую природу и, соответственно, различные правила оборота. В данном случае речь идет о правилах, которые определяют отдельно порядок передачи в доверительное управление ценных бумаг хозяйственных обществ (акций и облигаций акционерных и обществ с ограниченной ответственностью, хозяйственных партнерств), долей в обществах с ограниченной ответственностью, паев в складочных капиталах полных и коммандитных товариществ, долей в складочных капиталах хозяйственных партнерств. Каждый из этих объектов имеет свой правовой режим, который определяет и порядок передачи его в доверительное управление. Доли в обществах с ограниченной ответственностью, наряду с акциями, являются самыми распространенными активами, в отношении которых необходимо создать порядок передачи их в доверительное управление. Надо отметить, что в ряде структур и органов созданы ведомственные акты, которые были призваны определить такой порядок для определенного круга лиц.

¹⁵ Ильяков А.Д., Синельщикова Е.Ю. Предупреждение конфликта интересов на государственной службе. Профилактика коррупционных правонарушений. Актуальные вопросы применения законодательства о противодействии коррупции и основные направления профилактики коррупционных правонарушений. Сборник докладов участников семинара-совещания с руководителями антикоррупционных и кадровых подразделений федеральных органов исполнительной власти и организаций, созданных для выполнения задач, поставленных перед Правительством Российской Федерации, а также органов исполнительной власти ряда субъектов Российской Федерации. Москва, Генеральная прокуратура РФ. 2021, с. 47 //file:///C:/Users/ilyus/DowNoLoads/sborNoik 2021.pdf.

Примером тому является Приказ Генпрокуратуры России от 30.08.2016 № 531 «О передаче в доверительное управление прокурорскими работниками, федеральными государственными гражданскими служащими, иными работниками органов и организаций прокуратуры Российской Федерации принадлежащих им ценных бумаг (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций)», который содержит определенные правила для указанной группы лиц¹⁶. В частности, такие лица обязаны совершить три группы действий.

Во-первых, передать в доверительное управление в соответствии с гражданским законодательством принадлежащие ему ценные бумаги (доли участия, паи в уставных (складочных) капиталах организаций), в случае если владение ими приводит или может привести к конфликту интересов, в срок не позднее 30 дней со дня, когда ему стало известно о возникновении или возможности возникновения конфликта интересов.

Во-вторых, до передачи в доверительное управление сообщить (в письменной форме в виде уведомления), как только станет известно о возникновении личной заинтересованности при исполнении должностных (служебных) обязанностей, которая приводит или может привести к конфликту интересов в связи с владением ценными бумагами (долями участия, паями в уставных (складочных) капиталах организаций), руководителям, в подчинении которых они находятся.

В-третьих, незамедлительно сообщить руководителю органа или организации прокуратуры Российской Федерации о заключении договора о передаче в доверительное управление ценных бумаг (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций). Копию договора в течение 5 дней с даты его заключения представить в кадровое подразделение органа и организации прокуратуры, в котором прокурорский работник проходит службу (работает)¹⁷. То есть данный акт уточняет положения ст. 40.2 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»¹⁸, ст. 12.1 Закона «О противодействии коррупции», а также п. 2 ст. 12 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»¹⁹ и устанавливает порядок действий прокурорского работника в случае возникновения обязанности передать ценные бумаги, доли участия, паи в уставных (складочных) капиталах организаций в доверительное управ-

¹⁶ СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Там же.

¹⁸ Ведомости СНД РФ и ВС РФ, 1992, № 8, ст. 366.

¹⁹ Собрание законодательства РФ, 2004, № 31, ст. 3215.

ление. Подобный акт есть в Госкорпорации «Росатом».²⁰ Однако следует сделать вывод, что в законодательстве и правоприменительной практике отсутствует какой-либо единый порядок передачи таких прав как антикоррупционной меры, в связи с чем видится необходимость создания определенных общих правил для формирования указанного порядка.

Как представляется, для создания общего порядка необходимо определиться с некоторыми правовыми подходами к заключению договора доверительного управления для всех групп лиц, в отношении которых установлены такие антикоррупционные ограничения: кто может выступать доверительным управляющим в таких договорах и каков объем правомочий в отношении контролируемых активов, подлежащих передаче. В первом случае невыполнение требований о надлежащем доверительном управляющем создаст недействительность договора доверительного управления, во втором случае передача не всего объема правомочий на ценные бумаги, доли участия, паи в уставных (складочных) капиталах организаций не обеспечит требований антикоррупционного законодательства и обесмыслит процедуру передачи.

Так как законодательство прямо ориентирует на исходную позицию о том, что данные отношения должны регулироваться гражданским законодательством, то следует руководствоваться положениями ГК, в силу которых перечень лиц, которые могут быть доверительными управляющими, в данном случае не является закрытым. А именно, согласно п. 1 ст. 1012 Гражданского кодекса РФ по договору доверительного управления имуществом одна сторона (учредитель управления) передает другой стороне (доверительному управляющему) на определенный срок имущество в доверительное управление, а другая сторона обязуется осуществлять управление этим имуществом в интересах учредителя управления или указанного им лица (выгодоприобретателя). В силу п. 1 ст. 1015 ГК РФ доверительным управляющим может быть индивидуальный предприниматель или коммерческая организация, за исключением унитарного предприятия. В случаях, когда доверительное управление имуществом осуществляется по основаниям, предусмотренным законом, доверительным управляющим может быть гражданин, не являющийся предпринимателем, или некоммерческая организация, за исключением учреждения. Обязанность передачи в доверительное управление ценных бумаг хозяйственных обществ (акций и облигаций акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью, хозяйственных партнерств),

²⁰ Приказа Госкорпорации «Росатом» от 12.05.2016 № 1/11-НПА «Об утверждении Порядка принятия работниками Госкорпорации «Росатом» мер по недопущению любой возможности возникновения конфликта интересов» (зарегистрировано в Минюсте России 30.06.2016 № 42704) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти, № 31, 01.08.2016.

долей в обществах с ограниченной ответственностью, паев в складочных капиталах полных и коммандитных товариществ, долей в складочных капиталах хозяйственных партнерств законодательство закрепляет как специальные ограничения, установленные антикоррупционным законодательством, в силу этого они и представляются как раз теми случаями, которые предусмотрены законом для возможности привлекать в качестве доверительных управляющих как коммерческие, так и некоммерческие организации, как индивидуальных предпринимателей, так и физических лиц (исключение составляют полные и коммандитные товарищества, где законом установлен обязательный статус для полных товарищей физических лиц — индивидуальный предприниматель и для организаций — быть коммерческим юридическим лицом). Кроме того, как представляется, в объем правомочий доверительного управляющего в данном случае должен быть передан максимальный объем правомочий участника коммерческой корпоративной организации, чтобы выполнить все требования антикоррупционного законодательства. На наш взгляд, именно по этим двум направлениям и должна осуществляться проверка, когда решается вопрос об исполнении требований закона о передаче ценных бумаг, долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций в доверительное управление как антикоррупционной меры.

Библиографический список

1. Аникин А.А. Отдельные вопросы формирования и реализации государственной антикоррупционной политики // Профилактика коррупционных правонарушений. Актуальные вопросы применения законодательства о противодействии коррупции и основные направления профилактики коррупционных правонарушений. Сборник докладов участников семинара-совещания с руководителями антикоррупционных и кадровых подразделений федеральных органов исполнительной власти и организаций, созданных для выполнения задач, поставленных перед Правительством Российской Федерации, а также органов исполнительной власти ряда субъектов Российской Федерации. Москва, Генеральная прокуратура РФ. 2021. //file:///C:/Users/ilyus/Dow№loads/sbor№ik2021.pdf

2. Ведерникова О.Н., Кравцов Д.А. Международный и зарубежный опыт профилактики коррупции. //Профилактика коррупционных правонарушений. Актуальные вопросы применения законодательства о противодействии коррупции и основные направления профилактики коррупционных правонарушений. Сборник докладов участников семинара-совещания с руководителями антикоррупционных и кадровых подразделений федеральных органов исполнительной власти и организаций, созданных для выполнения задач, поставленных перед Правительством

Российской Федерации, а также органов исполнительной власти ряда субъектов Российской Федерации. Москва, Генеральная прокуратура РФ. 2021 г.с.//file:///C:/Users/ilyus/Dow№loads/sbor№ik2021.pdf

3. Ильяков А.Д., Синельщикова Е.Ю. Предупреждение конфликта интересов на государственной службе. Профилактика коррупционных правонарушений. Актуальные вопросы применения законодательства о противодействии коррупции и основные направления профилактики коррупционных правонарушений. Сборник докладов участников семинара-совещания с руководителями антикоррупционных и кадровых подразделений федеральных органов исполнительной власти и организаций, созданных для выполнения задач, поставленных перед Правительством Российской Федерации, а также органов исполнительной власти ряда субъектов Российской Федерации. Москва, Генеральная прокуратура РФ. 2021. //file:///C:/Users/ilyus/Dow№loads/sbor№ik 2021.pdf.

4. Трофимова Г.А. Деяния, несовместимые с должностью, как основание конституционно-правовой ответственности // Актуальные проблемы российского права, 2021, № 1 // СПС «КонсультантПлюс».

5. Юсуфов А.Ш. Осуществление международного сотрудничества по вопросам профилактики коррупции: опыт и перспективы. // Профилактика коррупционных правонарушений. Актуальные вопросы применения законодательства о противодействии коррупции и основные направления профилактики коррупционных правонарушений. Сборник докладов участников семинара-совещания с руководителями антикоррупционных и кадровых подразделений федеральных органов исполнительной власти и организаций, созданных для выполнения задач, поставленных перед Правительством Российской Федерации, а также органов исполнительной власти ряда субъектов Российской Федерации. Москва, Генеральная прокуратура РФ. 2021 г.с.6//file:///C:/Users/ilyus/Dow№loads/sbor№ik2021.pdf.

6. Соколов М.С. Ограничения, запреты и обязанности работников органов и организаций прокуратуры Российской Федерации в соответствии с законодательством о противодействии коррупции // Профилактика коррупционных правонарушений. Актуальные вопросы применения законодательства о противодействии коррупции и основные направления профилактики коррупционных правонарушений. Сборник докладов участников семинара-совещания с руководителями антикоррупционных и кадровых подразделений федеральных органов исполнительной власти и организаций, созданных для выполнения задач, поставленных перед Правительством Российской Федерации, а также органов исполнительной власти ряда субъектов Российской Федерации. Москва, Генеральная прокуратура РФ. 2021 г.//file:///C:/Users/ilyus/Dow№loads/sbor№ik2021.pdf.

Договор конвертируемого займа как новый договорно-обязательственный механизм регулирующий корпоративных отношений в обществах с ограниченной ответственностью

В корпоративном законодательстве происходят многовекторные движения, во многом обусловленные не стратегическими задачами развития корпоративных отношений, а решением текущих вопросов, возникающих в экономическом обороте и требующих немедленного решения. С.Д. Могилевский, оценивая Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью», отметил общую тенденцию регулирования корпоративных отношений: закон при урегулировании ряда вопросов создал для участников обществ проблему выбора вариантов такого регулирования. Выбор — это всегда проблема. Здесь же это была проблема, возведенная в степень, поскольку для того, чтобы что-либо выбрать, необходимо по крайней мере представлять то, из чего выбираешь, и каковы могут быть последствия такого выбора. К этому, к сожалению, участники обществ оказались не готовы¹. Справедливость данного утверждения не теряет своей актуальности независимо ни от периода времени, ни от вида института, который подлежит рассмотрению в связи с осуществлением корпоративных прав и обязанностей. Речь идет в том числе и новом правовом явлении, введенном в правовое поле корпоративных отношений, — договоре конвертируемого займа.

Новая договорная конструкция, созданная в виде договора конвертируемого займа, по мнению авторов научно-практического комментария к Закону об ООО получила законодательное закрепление в силу того, что каждой небольшой, но быстрорастущей технологической компании необходимо как можно быстрее стать лидером своего сегмента рынка, именно поэтому на пути к конечному результату стартапы тратят все свои средства для реализации поставленной цели, а в отсутствие иных средств на начальном этапе важно получить внешнее финансирование, которое с расчетом на получение в будущем акций (долей) в компании готовы предоставить как индивидуальные инвесторы, так и венчурные фонды². Без сомнения, высказанная перспективная оценка нового право-

¹ Могилевский С.Д. Общество с ограниченной ответственностью: законодательство и практика его применения. М.: Статут, 2010 // СПС «Консультант-Плюс».

² Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью». Том 1 под ред. И.С. Шиткиной. Статут, 2021. (Автор комментария к ст. 19.1 — С.Ю. Филиппова.)

вого механизма, рассчитанного на обеспечение надлежащего правового сопровождения ускоренного развития экономики, во многом объясняет появление договора конвертируемого займа. Но, кроме обеспечения достижения указанных глобальных целей, закрепление нового договорного механизма в системе корпоративных отношений, на наш взгляд, является ответом законодателя на современную экономическую реальность, в которой нарастает вызванная ковидными обстоятельствами, инфляционными процессами неплатежеспособность значительного количества представителей малого и среднего бизнеса — обществ с ограниченной ответственностью (ООО) и акционерных обществ (АО), вступивших в заемно-кредитные отношения и оказавшихся неспособными вернуть взятые денежные средства. Из этой реальности необходимо выходить, желательно без значительных финансовых и имущественных потерь, то есть при сохранении бизнеса.

Законодатель долгое время запрещал возможность прямого зачета долгов хозяйственного общества путем включения заимодавца в состав участников, устанавливая обязательность соблюдения формальной процедуры в форме либо оплаты доли в ООО, либо оплаты акций. Эта позиция была вполне обоснована, так как в этой процедуре не мог быть напрямую хотя бы частично использован гражданско-правовой механизм зачета взаимных требований, поскольку областью его применения являются корпоративные отношения, сущностью которых было и остается соблюдение прав и интересов других лиц — участников корпорации, не являющихся сторонами договора займа.

Отражением такого нового подхода, отвечающего самым насущным проблемам сохранения платежеспособности малого бизнеса, представленного в подавляющем своем большинстве как раз ООО и АО, является институт конвертируемого займа. Договор конвертируемого займа введен в правовое поле Федеральным законом от 02.07.2021 № 354-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³. Новые нормы, создающие материально-правовое основание конвертируемого займа были закреплены в Федеральном законе от 26 декабря 1995 года № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»⁴, в Федеральном законе от 8 февраля 1998 года № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» и в Федеральном законе от 22 апреля 1996 года № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»⁵ (далее — Закон о рынке ценных бумаг).

³ Собр. законодательства Российской Федерации, 2021, № 27 (часть I), ст. 5182.

⁴ Собр. законодательства Российской Федерации, 1996, № 1, ст. 1.

⁵ Собр. законодательства Российской Федерации, 1996, № 17, ст. 1918.

Законодательство формирует данный договор как новый договорный вид, опосредующий общественные отношения договора займа, в котором заемщиком может выступать только хозяйственное общество (акционерное общество или общество с ограниченной ответственностью), обязанное в случае неспособности возратить сумму займа в установленный срок удовлетворить требование займодавца о зачете своих денежных требований к обществу в форме получения дополнительных акций, которые разместят путем закрытой подписки, если заемщиком выступает непубличное акционерное общество, или путем увеличения уставного капитала, а также увеличения размера и номинальной стоимости своей доли или приобретения доли, если заемщиком выступает общество с ограниченной ответственностью. Оценка природы отношений, возникающих из договора конвертируемого займа, вызывает в юридической литературе определенную дискуссию. Высказывается мнение, что, во-первых, спорным представляется корректность использования гражданско-правовой модели займа для оформления данных отношений, а в конструкции договора конвертируемого займа обнаруживается системная ошибка в квалификации складывающихся отношений. Дело в том, что финансирование в виде займа получает общество, но при конвертации займа в долю в уставном капитале встречное предоставление фактически будет предоставлять не общество, а его участники⁶.

Вместе с тем следует отметить, что законодатель, вводя механизм конвертации займа в участие в хозяйственные общества, не пошел по пути простого закрепления данного договора как одного из оснований перехода прав на долю, квалифицировав корпоративную часть данных отношений как еще один случай увеличения уставного капитала, предусмотрев сложную договорно-корпоративную процедуру.

Понятие договора конвертируемого займа как нового унитарного договора приведено только в ст. 32.3 Закона об АО: «Договором конвертируемого займа признается договор займа, предусматривающий право займодавца вместо возврата всей или части суммы займа и выплаты всех или части процентов за пользование займом при наступлении срока и (или) иных обстоятельств, предусмотренных этим договором, потребовать от заемщика, являющегося непубличным обществом, размещения займодавцу дополнительных акций определенной категории (типа)». Данное понятие содержит сущностную характеристику нового договора конвертируемого займа, отличающего его от простого договора займа, как довольно известного и закрепленного в ГК РФ договора, тем, что по

⁶ Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью». Том 1 под ред. И.С. Шиткиной. Статут, 2021. (Автор комментария к ст.19.1 — С.Ю. Филиппова.)

сравнению с классическим договором займа в его природу вводится субъективное право займодавца осуществить зачет своих требований и вместо денежных средств в счет возврата суммы займа потребовать от заемщика выполнения определенных корпоративных процедур по принятию его в состав участников.

Такого рода подход не мог состояться путем простого введения нового понятия в специальные законы. Так как данные отношения предполагают совершение ряда корпоративных процедур, связанных с изменением прав не только непосредственных участников данного договора, но и всех участников хозяйственных обществ, потребовалось создание развернутого механизма указанных процедур в специальных законах об АО и об ООО.

Как установлено в законодательстве, заемщиками в договоре конвертируемого займа могут выступить только хозяйственные общества: общества с ограниченной ответственностью или непубличные акционерные общества, в то время как займодавцами могут быть любые участники гражданского оборота. Причем это могут быть как участники самих заемщиков — хозяйственных обществ, так и третьи лица. В законодательстве также установлен ряд ограничений и запретов для заемщиков, в частности не могут быть заемщиками непубличные АО, являющиеся кредитной организацией или некредитной финансовой организацией, либо общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства, либо общество, которое создано в процессе приватизации и акции которого находятся в государственной или муниципальной собственности и предоставляют более чем 25 процентов голосов на общем собрании акционеров (ч. 2 п. 1 ст. 32.3 Закона об АО). Такие же запрещающие правила установлены и для ООО как заемщика. Не могут быть заемщиками по договору конвертируемого займа общества с ограниченной ответственностью, являющиеся кредитной организацией или некредитной финансовой организацией, либо общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства (ч. 2 п.1 ст. 19.1 Закона об ООО). Здесь следует уточнить, что в данном случае работают и корпоративные запреты: если в устав ООО внесены запреты на увеличение уставного капитала за счет вкладов третьих лиц, то, так как зачет конвертируемого займа, заключенного с третьим лицом возможен только в форме увеличения уставного капитала, в этом случае такой договор заключен быть не может. В этом случае займодавцем по договору конвертируемого займа, заключаемого с ООО, может являться только участник общества.

Анализируя правовую природу договора конвертируемого займа, следует сказать, что он представляет собой новую унитарную типизированную договорную конструкцию, регулирующую заемные отношения с возможным

изменением корпоративных отношений. Надо отметить, что именно решение указанной задачи — учесть особенности корпоративных отношений при осуществлении зачета взаимных требований к корпоративной организации-должнику — и обусловило, на наш взгляд, необходимость закрепления данного договора как самостоятельного унитарного договорного вида с особой правовой природой, так как было необходимо создать не только проверочный механизм, но и ввести правила о принуждении для АО или ООО как заемщика в проведении необходимых корпоративных процедур. Для договора конвертируемого займа с участием АО установлена простая письменная форма, тогда как для договоров конвертируемого займа с участием ООО как заемщика, необходима нотариальная форма. Все процедурно-процессуальные правила нотариального сопровождения договора конвертируемого займа с участием ООО как заемщика получили закрепление в Основях законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 года № 4462-1⁷ (далее — Основы), где теперь сформирована новая глава XX.5 «Совершение нотариальных действий в связи с увеличением уставного капитала общества с ограниченной ответственностью во исполнение договора конвертируемого займа», предусматривающая особый порядок осуществления нотариального сопровождения договора конвертируемого займа с участием обществ с ограниченной ответственностью.

Так как было необходимо закрепить неотвратимость возможного изменения корпоративных отношений по инициативе займодавца, законодатель сформировал новый круг существенных условий договора конвертируемого займа, которые создают новую совокупность существенных условий, формирующих новую видовую особенность данного договора. С учетом положений о займе, установленных в п. 1 ст. 807 ГК РФ, можно выделить следующие существенные условия для договора с участием ООО:

1) сумма займа;

2) срок и (или) обстоятельства, при наступлении которых займодавец вправе предъявить требование об увеличении уставного капитала общества, являющегося заемщиком, во исполнение договора конвертируемого займа. Законодатель уточняет, что такими обстоятельствами могут быть в том числе совершение или несомвершение сторонами договора конвертируемого займа или третьими лицами определенных действий, принятие обществом, являющимся заемщиком, или третьими лицами определенных решений, достижение обществом, являющимся заемщиком, определенных финансовых показателей;

3) сумма или порядок определения суммы, на которую увеличивается номинальная стоимость доли займодавца — участника общества в

⁷ Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. — 1993, № 10, ст. 357.

уставном капитале общества, в процентах от стоимости вносимого им дополнительного вклада, а если займодавцем является третье лицо — номинальная стоимость или порядок определения номинальной стоимости приобретаемой им доли в уставном капитале общества в процентах от стоимости вносимого им вклада (п. 4 ст. 19.1 Закона об ООО).

Корпоративная природа заемщиков потребовала от законодателя установления особого порядка реализации права займодавца на зачет денежных требований к заемщику — хозяйственному обществу. Поэтому введены правила о применении предварительного согласия общества — АО и ООО — и ряда других процедур, связанных с заключением или изменением договора конвертируемого займа. Заключение договора, в котором заемщиком выступает ООО, требует обязательного предварительного согласия этого ООО в форме решения общего собрания. Такое согласие дается общим собранием участников общества посредством принятия решения о том, что общество увеличит уставный капитал на основании заявления участника этого общества о внесении дополнительного вклада или заявления третьего лица о принятии его в общество и внесении вклада, в счет внесения которого будет осуществляться зачет денежных требований займодавца к обществу по обязательствам из договора конвертируемого займа. В таком решении должны быть указаны стороны договора конвертируемого займа, сумма увеличения номинальной стоимости или номинальная стоимость доли займодавца в уставном капитале общества в процентах от стоимости вносимого им дополнительного вклада либо вносимого им вклада, или порядок их определения, иные существенные условия договора конвертируемого займа или порядок их определения. Это решение должно быть принято единогласно всеми участниками общества. Важно отметить, что законодатель вводит новый случай обязательного нотариального удостоверения подтверждения факта принятия общим собранием участников общества решения о таком согласии и состава участников общества, присутствовавших при его принятии, путем выдачи нотариально удостоверенного свидетельства. Это третий случай обязательного требования нотариального подтверждения решений общих собраний в ООО⁸.

По общему правилу требование займодавца об увеличении уставного капитала общества во исполнение договора конвертируемого займа предъявляется заемщику после наступления предусмотренных договором конвертируемого займа срока и (или) иных обстоятельств, с которыми договор конвертируемого займа связывает возможность предъявления займодавцем указанного требования.

⁸ Илюшина М.Н. Решения общих собраний в обществах с ограниченной ответственностью как правовое основание возникновения гражданских прав и обязанностей // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2021, № 7. С. 24–31.

В законодательстве закреплены и особые процедуры, направленные на исполнение договора конвертируемого займа, при котором реализуется право займодавца на зачет денежных требований. Понятно, что зачет не может быть осуществлен с учетом всей суммы займа, поскольку при наличии, как правило, очень небольших уставных капиталов (10 000 или чуть больше) при значительных суммах займа (даже от 500 000 тысяч) включение на такую большую сумму нового участника с соответствующим увеличением уставного капитала неизбежно повлечет не только уменьшение долей других участников, но и потерю всей предпринимательской привлекательности участия в ООО для других участников. Стороны при заключении договора заранее должны договориться, на какую сумму произойдет зачет денежных требований займодавца в уставном капитале ООО или при выпуске дополнительных акций и на какую сумму будет увеличиваться уставный капитал; соответственно, как будет выглядеть доля нового участника (или давшего займы участника) и прежних участников. После осуществления такого зачета требуется внести изменения в Единый государственный реестр юридических лиц (далее — ЕГРЮЛ). В отношении обществ с ограниченной ответственностью нотариус традиционно является заявителем сведений, вносимых в Единый государственный реестр юридических лиц, и это полномочие сохранено в отношении внесения сведений о конвертируемом займе в ЕГРЮЛ. Соответственно, в ст. 9 Федерального закона от 8 августа 2001 года № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» введена новая часть — пункт 1.4, в которой закреплено правило, что при внесении в Единый государственный реестр юридических лиц изменений, касающихся сведений о наличии заключенного заемщиком — обществом с ограниченной ответственностью договора конвертируемого займа, в том числе о займодавце по указанному договору и размере (максимальном размере) его доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, которую он может получить (приобрести) в результате реализации соответствующего права по договору конвертируемого займа, заявителем является нотариус, удостоверивший договор конвертируемого займа⁹. Следует отметить, что в отношении акционерного общества такие сведения впервые будет вносить реестродержатель¹⁰. Указанная роль реестродержа-

⁹ Собр. законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 33 — ст. 3431.

¹⁰ Подробнее об особенностях правового статуса реестродержателя см.: Илюшина М.Н. Реестродержатель: особенности правового статуса. / Коллективная монография «Двадцать пять лет российскому акционерному закону: проблемы, задачи, перспективы развития» / отв. ред. докт. юрид. наук, проф. Д.В. Ломакин. — Москва: Статут, 2021. С. 390-400.

теля в значительной степени повышает его статус и придает ему элементы публичности.

Особо следует указать, что правовой механизм конвертируемого займа может быть реализован в бесспорном порядке только при отсутствии возражений со стороны хозяйственного общества. В частности, нотариус, ведущий договор конвертируемого займа и получивший требование займодавца об увеличении уставного капитала заемщика во исполнение договора конвертируемого займа, должен теперь не позднее одного рабочего дня после получения такого требования направить заемщику уведомление о предъявлении такого требования. Если от заемщика не поступает возражений, то не позднее одного рабочего дня после истечения срока (таковой срок составляет 14 дней) для предоставления таких возражений либо не позднее одного рабочего дня после получения документа, выражающего совместное волеизъявление заемщика и займодавца об увеличении уставного капитала заемщика во исполнение договора конвертируемого займа, нотариусом осуществляется подача заявления об увеличении уставного капитала заемщика во исполнение договора конвертируемого займа в форме электронного документа для внесения сведений в ЕГРЮЛ. Если от заемщика (ООО) поступают возражения в отношении требования об увеличении его уставного капитала во исполнение договора конвертируемого займа, заявление в ЕГРЮЛ об увеличении уставного капитала заемщика нотариусом не направляется. О том, что поступили такие возражения, нотариус обязан уведомить займодавца (ч. 4 ст. 103.13 Основ). На этом активные действия нотариуса прекращаются, поскольку нотариальная деятельность осуществляется как бесспорная правоприменительная деятельность, то есть при отсутствии спора, при согласии участников отношений, сопровождаемых нотариальной формой. Соответственно, нотариус, получивший возражения заемщика, никаких иных действий по исполнению договора конвертируемого займа не осуществляет. Что же происходит далее с договором конвертируемого займа, заключенным сторонами, получившим предварительное согласие общего собрания участников ООО?

Как решил законодатель, новый договор конвертируемого займа может быть реализован только при отсутствии возражений со стороны заемщиков — хозяйственных обществ. Так как при наличии возражений заемщиков исключается всякая возможность проведения соответствующих корпоративных процедур, законодатель займодавцам специально предоставляет в этом случае новый способ защиты и формирует новый вид иска. Соответственно, займодавец ООО, не получивший возможности стать участником ООО или не реализовавший возможность увеличить свою уже имеющуюся в этом ООО долю, вправе потребовать в судебном порядке во исполнение договора конвертируемого займа уве-

личения уставного капитала общества. Решение арбитражного суда, удовлетворившего указанные исковые требования, является основанием для государственной регистрации соответствующих изменений, вносимых как в устав хозяйственных обществ, так и в ЕГРЮЛ. Оценивая данную часть механизма договора конвертируемого займа, следует сказать, что гражданский оборот получил новый тип иска — иск будущего участника хозяйственного общества (или участника общества) об увеличении уставного капитала. Его процессуальная квалификация и предмет заслуживают самостоятельного рассмотрения.

Таким образом, можно утверждать, что гражданский оборот впервые получил новый типизированный унитарный гражданско-правовой договор, создающий возможный способ снижения рисков неплатежеспособности хозяйственных обществ-заемщиков в заемно-кредитных обязательствах. Данный договор включен в качестве обязательственного механизма в корпоративные отношения с участием АО и ООО путем его закрепления в качестве нового типа гражданско-правового договора в специальных законах — Законе об АО и в Законе об ООО. Данное новое договорное средство создает правовые последствия не только для сторон договора, но и для участников хозяйственных обществ-заемщиков, в силу чего снабжено специальными корпоративными проверочными процедурами, включая наличие предварительного согласия общего собрания ООО и АО. В целях защиты прав добросовестного займодавца создан и введен новый тип иска о защите корпоративных прав будущего участника ООО.

Библиография

1. Илюшина М.Н. Решения общих собраний в обществах с ограниченной ответственностью как правовое основание возникновения гражданских прав и обязанностей // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2021, № 7. С. 24-31.

2. Илюшина М.Н. Реестродержатель: особенности правового статуса. / Коллективная монография «Двадцать пять лет российскому акционерному закону: проблемы, задачи, перспективы развития» / отв. ред. докт. юрид. наук, проф. Д.В. Ломакин. — Москва: Статут, 2021. С. 390-400.

3. Могилевский С.Д. Общество с ограниченной ответственностью: законодательство и практика его применения. М.: Статут, 2010 // СПС «КонсультантПлюс».

4. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью». Том 1 под ред. И.С. Шиткиной. Статут, 2021. (Автор комментария к ст.19.1 — С.Ю. Филиппова.)

Новые гражданско-правовые механизмы договорного регулирования и пределы их использования в обороте долей обществ с ограниченной ответственностью

Оборот долей в обществах с ограниченной ответственностью представляет собой системную группу правоотношений, включающих в себя несколько видов правоотношений различной правовой природы.

Как известно, основным понятием, отражающим движение в гражданском обороте долей в обществах с ограниченной ответственностью, является термин «переход долей». Этот термин не содержится в ГК РФ и получил право на существование в юридической технике благодаря Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью»¹. В статье 21 названного закона впервые был введен в правовое поле указанный термин как обобщающее понятие для всех случаев смены владельца доли в обществах с ограниченной ответственностью. Соответственно, термином «переход доли» в специальном законодательстве об обществах с ограниченной ответственностью охватываются все случаи движения доли, включая сделковые основания перехода, универсальное правопреемство (наследование), правопреемство при реорганизации юридических лиц, корпоративные основания и все иные основания, которые нельзя однозначно отнести ни к одной из предыдущих групп.

Классическим основанием перехода, наиболее подверженным воздействию гражданско-правового механизма правового регулирования, являются сделковые основания.

Правовое регулирование отчуждательных сделок с долями в ООО может осуществляться не только по легальной модели договоров купли-продажи — на правилах § 1 «Общие положения» гл. 30 «Купля-продажа», по правилам гл. 31 «Мена», гл. 32 «Дарение», гл. 33 «Рента» (за исключением § 4 «Пожизненное содержание с иждивением»)² ГК РФ. Возможно применение правил об отчуждательных сделках с долями ООО при расторжении заключенных договоров, а также при заключении соглашения об отступном, но всегда с учетом специальной корпоративной природы данных прав. Вместе с тем надо отметить, что самой распространенной правовой формой перехода прав на долю всегда была и есть купля-продажа долей в ООО.

¹ Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 23.04.2018) «Об обществах с ограниченной ответственностью» СЗ РФ, № 7, ст. 785.

² См. подробнее: Илюшина М.Н. Сделки с долями в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью (учебное пособие); РПА Минюста России. — М.: РПА Минюста России, 2012. С. 67.

Данная группа договорных отношений оказалась самой динамично регулируемой законодателем. Первые самые значимые изменения в механизм правового регулирования отчуждательных сделок с долями ООО было осуществлено Федеральным законом № 312-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», Федеральными законами от 19 июля 2009 г. № 205-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³ и от 2 августа 2009 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности»⁴, которые внесли изменения в действующий Закон об ООО. Соответственно, с 1 июля 2009 года для договоров отчуждения долей третьим лицам и в случаях, не связанных с продажей долей при реализации права преимущественной покупки, была введена нотариально удостоверенная форма сделки⁵, и механизм договорного гражданско-правового регулирования получил некоторые публично-правовые элементы. В частности, доля по отчуждательной сделке считалась перешедшей к приобретателю с момента нотариального удостоверения сделки, а в случаях перехода прав на долю по основаниям, не требующим нотариального удостоверения, — с момента внесения сведений об этом в порядке, установленном законом, в Единый государственный реестр юридических лиц. Последующая правоприменительная практика, развитие корпоративных отношений и задачи поиска баланса интересов в регулировании данных отношений потребовали более специализированного инструментального подхода. Как ни странно, но оказалось, что под действие нотариального удостоверения сделки с его проверочными механизмами не попал еще один, причем довольно распространенный случай отчуждения долей — купля-продажа при реализации права преимущественной покупки. Это тот случай, когда участник ООО, намеренный продать свою долю (или часть доли) третьему лицу, обязан прежде всего предложить приобрести ее сначала другим участникам ООО, а в случаях, предусмотренных уставом, и обществу. Если кто-то из них выразит свое желание это сделать, то заключается договор купли-продажи. Так вот этот случай отчуждательной сделки с долями ООО оставался в простой письменной форме. В силу этого требовалось установление единого правового оформления всех отчуждательных сделок. Это было

³ СЗ 2009. № 29. Ст. 3642.

⁴ СЗ РФ. 2009. № 31. Ст. 3923.

⁵ СЗ РФ. 2009. № 29. Ст. 3642.

сделано, но значительно позднее, с 1 июня 2016 г., путем внесения дальнейших изменений в Закон об ООО⁶. Указанные изменения происходили одновременно с внесением изменений ГК РФ в части регулирования корпоративных и обязательственных отношений, поэтому новеллы договорного регулирования оборота долей приобрели совершенно новый концептуальный характер, основанный на понимании данных отношений как имеющих специальную, свойственную только корпоративным отношениям природу, и подвергающуюся воздействию гражданско-правового механизма регулирования только с учетом указанной специфики. В результате указанных изменений, осуществленных на основе уже измененного обязательственного и договорного права в Законе об ООО, были созданы новые правовые механизмы оборота долей — такие как опцион, впервые предусматривающий свой собственный инструментарий, выполнены и изменены имеющиеся правовые процедуры, опосредовавшие отчуждение долей. Этими нововведениями наконец восполнен пробел в обороте долей, имевшийся долгое время. Требование о нотариальном удостоверении отчуждательных сделок с долями ООО впервые было распространено на все сделки с долями, включая и сделки, совершаемые в результате использования права преимущественной покупки (абз. 1 п. 11 ст. 21 Закона об ООО). В целях введения единых требований ко всем случаям совершения сделок с долями ООО с одинаковой отчуждательной природой, максимально приближенной к гражданско-правовым механизмам регулирования, было введено новое общее правило оформления любой сделки с долями в виде одного письменного документа, подписанного обеими сторонами, исключением является опцион на заключение договора купли-продажи долей. Следует отметить, что для закрепления специальной корпоративной природы договора опциона на заключение купли-продажи долей в пункте 11 статьи 21 Закона об ООО было введено правило, дополняющее общее правило статьи 429.2 ГК РФ, в силу которого всякая сделка, направленная на отчуждение доли или части доли в уставном капитале общества, во исполнение опциона на заключение договора, может быть совершена как путем отдельного нотариального удостоверения безотзывной оферты, так и путем нотариального удостоверения соглашения о предоставлении опциона на заключение догово-

⁶ Федеральный закон от 30.03.2015 № 67-ФЗ (ред. от 29.06.2015) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения достоверности сведений, представляемых при государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» СЗ РФ, 2015, № 13, ст. 1811;

Федеральный закон от 29.12.2015 № 391-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>-29декабря 2015 г.

ра, а впоследствии нотариального удостоверения акцепта⁷. Как мною уже ранее отмечалось, это новое правило позволило начать вводить в правоприменительную практику оферту, которая представляет собой не одностороннюю сделку в виде документа, подписанного только одной стороной, но и оферту, которая содержится в двустороннем соглашении будущего продавца и покупателя доли в ООО, что в значительной степени упрощает всю процедуру заключения опциона на куплю-продажу долей в ООО⁸. Кроме этого, было изменено правило о моменте приобретения права на долю в ООО. Теперь лицо считается приобретшим статус владельца доли и, соответственно, участника не с момента нотариального удостоверения купли-продажи доли или иного отчуждательного договора, а с момента внесения соответствующей записи в Единый государственный реестр юридических лиц. Это новое правило решило сразу две проблемы — договорную и корпоративную. Если по каким-то причинам в государственной регистрации перехода прав на долю в ООО будет отказано, то данный договор может быть расторгнут сторонами как незавершенный путем заключения соглашения о расторжении по правилам отчуждательной сделки с долями. Теперь момент заключения сделки как чисто гражданско-правовое основание возникновения прав и обязанностей сторон по договору не совпадает с моментом приобретения статуса участника ООО, поскольку данный статус приобретается на основании сложного юридического состава, включающего и заключение договора, и внесение соответствующих сведений в публичный реестр.

Созданные специальным законодательством полноценные договорные формы и процедуры отчуждения долей, а также закрепленная в ГК РФ концепция регулирования корпоративных отношений обязательно-правовыми механизмами только с учетом их специфики, появившиеся возможности использования новых договорных инструментов позволили наконец начать формирование договорных приемов регулирования оборота долей ООО. Таким образом, изменения, внесенные в обязательственное и договорное право России, создали новую правовую ситуацию в регулировании корпоративных отношений.

Для отчуждательных договоров с долями ООО, кроме имеющихся традиционных рисков, являющихся неотъемлемой частью любого договорного процесса, очень важны риски, связанные с имущественными

⁷ Федеральный закон от 29.12.2015 № 391-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>-29декабря 2015 г.

⁸ Илюшина М.Н. Сделки, опосредующие оборот долей в ООО: современное состояние законодательства и правоприменения // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2018, № 4. С.13-19.

и корпоративными характеристиками самого хозяйственного общества, поскольку, приобретая долю в ООО, покупатель приобретает соответствующую часть всего бизнеса со всеми преимуществами и потерями. Однако ранее существовавшие законодательные и договорные инструменты не позволяли создать какой-либо работающий механизм, хотя бы в части гарантирующий, что покупатель получит именно тот бизнес, на который он рассчитывал. Как отмечалось в юридической литературе, в отсутствие прямого законодательного регулирования практика в течение многих лет пыталась выработать эффективный механизм защиты прав и законных интересов приобретателя бизнеса. В частности, предпринимались попытки применить к процессу купли-продажи долей положения ст. 475 ГК РФ о последствиях передачи товара ненадлежащего качества⁹. Кроме того, затруднения вызывало и то обстоятельство, что ООО не являлось стороной договора и как будто ничего не должно было гарантировать покупателю.

В этих условиях неимоверно востребованным в договорной практике, опосредующей оборот долей в ООО, оказался субинститут заверений об обстоятельствах, введенный в ГК РФ в процессе реформы обязательственного и договорного права¹⁰. Субинститут заверения об обстоятельствах, созданный в качестве легального договорного инструмента в гражданский оборот России в 2015 году, проходит свое первичное осмысление и практическое применение во всех договорных формах. С самого начала появления этого гражданско-правового механизма пришло понимание, что в гражданский оборот введены новые правовые средства, позволяющие создавать дополнительные правовые механизмы защиты прав сторон договорных отношений, гарантирующие их права на случай возникновения обстоятельств, которые хотя и принимались во внимание, но не являются условиями договора. Данный субинститут нашел свое закрепление в виде самостоятельной статьи Гражданского кодекса РФ 431.2 «Заверения об обстоятельствах».

Заверения об обстоятельствах как новый субинститут уже был предметом исследования автора настоящей статьи на самом начальном этапе его введения в гражданский оборот в виде комментария к ст. 431.2 Граж-

⁹ Милохова А.В. Заверения об обстоятельствах и последствия их недостоверности в сделках по продаже бизнеса // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 4. С. 56 — 62.

¹⁰ Федеральный закон от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ, 2015, № 10, ст. 1412.

данского кодекса РФ¹¹, а позднее при рассмотрении некоторых аспектов его применения в сделках с недвижимостью в практике нотариуса¹².

Прошедшее время позволило в некоторой степени осмыслить данный субинститут в системе других гражданско-правовых механизмов. Надо отметить появление довольно оригинальных и глубоких работ, посвященных системным характеристикам этого явления¹³, его эффективности¹⁴, классификационной сложности¹⁵ и особенностям применения в отдельных группах общественных отношений¹⁶.

Кроме этого, произошло активное включение данного субинститута в договорную практику России, что сразу отразилось в подзаконном нормотворчестве, в актах корпоративного регулирования и, соответственно, в немедленно появившейся разнообразной судебной практике. Новый договорный механизм впервые в российской законодательной практике предоставляет сторонам договорного процесса создать своей волей специальный договорный инструмент, который обеспечит новый уровень стабильности договора и посвящен созданию юридической защиты гарантиям и заверениям, полученным при заключении договора. В юридической литературе отмечается, что если кратко изложить суть нового механизма, то он заключается в том, что лицо, сообщившее другой стороне недостоверную информацию, несет за это ответственность¹⁷.

В нотариальной договорной практике данный правовой механизм оказался совершенно необходимым инструментом, без применения ко-

¹¹ Илюшина М.Н. // Постатейный комментарий к Разделу III «Общая часть обязательственного права» под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Санниковой. — М.: Статут, 2016. С. 516–518.

¹² Илюшина М.Н. Проблемы использования заверения об обстоятельствах как нового субинститута договорного права в сделках с недвижимостью // Семейное и жилищное право. 2017. № 2. С. 29 — 32.

¹³ См.: Будылин С.Л. Заверения и гарантии. Компаративное исследование. М.: Инфотропик Медиа, 2017. 160 с.

¹⁴ См.: Вишневский А.А. Заверения об обстоятельствах: к вопросу об эффективности правовой конструкции // Закон. 2017. № 11. С. 176 — 183.

¹⁵ См.: Маглеева У.А. О многообразии заверений об обстоятельствах // Право и экономика. 2018. № 11. С. 40 — 44.

¹⁶ См.: Осипенко О.В. Актуальные проблемы системного применения инструментов корпоративного управления и акционерного права. М.: Статут, 2018. 448 с. Милохова А.В. Заверения об обстоятельствах и последствия их недостоверности в сделках по продаже бизнеса // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 4. С. 56 — 62.

¹⁷ Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации /Отв. ред. А.Г. Карапетов. — М.: Статут, 2017. Автор раздела — А.Г. Карапетов, с. 952.

торого невозможно построение сбалансированного договорного механизма гражданско-правовых договоров, подвергающихся нотариальному удостоверению. Теперь в договорах купли-продажи долей ООО, в соглашениях о предоставлении опциона на заключение договора купли-продажи долей ООО формируется либо довольно значительная часть договора, либо специальный раздел «Заверения об обстоятельствах и договорах и о третьих лицах».

Данный субинститут нашел свое становление в нотариальной практике, сопровождающей оборот долей в ООО, не только в связи с его закреплением в рамках реформы гражданского законодательства в ст. 431.2 ГК РФ, но и в связи с утверждением Регламента совершения нотариусами нотариальных действий, устанавливающего объем информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных действий, и способ ее фиксирования¹⁸, предусматривающего обязательность его использования нотариусами в своей деятельности.

Кроме того, некоторым промежуточным итогом, подтверждающим наступление нового этапа в развитии рассматриваемого правового инструмента, явилось закрепление нового понимания содержания и назначения заверений об обстоятельствах в гражданском обороте в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» (далее — Постановление Пленума № 49)¹⁹.

В силу названных обстоятельств необходимо показать некоторое уточнение его места и роли в договорной практике, связанной с оборотом долей в ООО.

В ст. 431.2 ГК законодатель специально указал, что правила о заверениях могут касаться любой стадии договорных отношений, а именно, можно утверждать, что одинаковые правовые последствия влекут заверения об обстоятельствах, имеющих значение как для заключения договора, так и для его исполнения или прекращения. Эта позиция нашла свое дальнейшее закрепление в Постановлении Пленума № 49, который рас-

¹⁸ Приказ Минюста России от 30.08.2017 № 156 «Об утверждении Регламента совершения нотариусами нотариальных действий, устанавливающего объем информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных действий, и способ ее фиксирования» (вместе с «Регламентом совершения нотариусами нотариальных действий, устанавливающий объем информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных действий, и способ ее фиксирования», утв. решением Правления ФНП от 28.08.2017 № 10/17, приказом Минюста России от 30.08.2017 № 156) (зарегистрировано в Минюсте России 06.09.2017 № 48092) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ СПС «КонсультантПлюс».

смачивает и закрепляет данное правовое явление сугубо как субинститут договорного права. При этом довольно странно выглядит указание п. 37 названного Постановления Пленума о том, что при наличии соответствующих оснований заверение может быть признано недействительным применительно к правилам § 2 главы 9 ГК РФ.

Закон попытался дать примерный перечень заверений, которые могут определить волю другой стороны и сформировать ее желание на заключение договора. Это заверения, которые могут относиться к предмету договора, полномочиям на его заключение, соответствию договора применимому к нему праву, наличию необходимых лицензий и разрешений, своему финансовому состоянию либо относящихся к третьему лицу. Принципиальное значение имеет то обстоятельство, что, по нашему мнению, Постановление Пленума № 49 расширило имеющееся понимание области применения договорных заверений, и сейчас заверения могут охватывать также и обстоятельства, как связанные, так и не связанные непосредственно с предметом договора, но имеющих значение для заключения договора, его исполнения или прекращения. Но самым важным положением, особенно для сделок с долями ООО, является закрепление положения, что в договорном процессе могут давать заверения и третьи лица (часть 4 п. 34 Постановления Пленума № 49). Данное понимание создает новую правовую ситуацию, в результате которой правовое значение имеют не только заверения о третьих лицах — в данном случае заверения участника хозяйственного общества о всех его имущественных характеристиках, но и сохраняется возможность получить заверения от самого общества. Постановление Пленума № 49 предусматривает, по существу, для всех заверений только письменную форму, устанавливая правило, что в подтверждение факта предоставления заверения и его содержания сторона не вправе ссылаться на свидетельские показания (пункт 1 статьи 6, пункт 1 статьи 162 ГК РФ). Произошло и некоторое изменение понимания условий наступления ответственности лица, давшего недостоверные заверения. По правилу, закрепленному в абз. 3 п. 1 ст. 431.2 ГК РФ, ответственность наступает, если сторона, предоставившая недостоверные заверения, исходила из того, что другая сторона будет полагаться на них или имела разумные основания исходить из такого предположения. Судебная практика, складывавшаяся в период с 2015 по 2017 год, понимала это правило очень прямолинейно и исходила из того, что сторона, предоставившая недостоверное заверение, не несет ответственности по ст. 431.2 ГК РФ, если она не исходила из того, что другая сторона будет полагаться на такие заверения²⁰. Комментируя данное

²⁰ Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 20.07.2017 № 10АП-8959/2017 по делу № А41-21587/14 // СПС «КонсультантПлюс».

положение, Постановление Пленума № 49 уточнило, что при этом лицо, предоставившее заведомо недостоверное заверение, не может в обоснование освобождения от ответственности ссылаться на то, что полагавшаяся на заверение сторона договора являлась неосмотрительной и сама не выявила его недостоверность (пункт 4 статьи 1 ГК РФ), таким образом уточнив, что недобросовестность лица, давшего заверения, лишает его в любом случае возможности освободиться от ответственности.

Соответственно, можно отметить, что применение института заверений об обстоятельствах в договорной практике в отношении отчуждательных сделок с долями ООО видится как очень перспективный и развивающийся механизм договорного регулирования, без которого невозможно заключить полноценный договор.

Таким образом, обобщая современную договорную практику отчуждательных сделок с долями ООО можно прийти к следующим выводам:

1. Нотариально удостоверенная форма отчуждательных сделок с долями позволяет снизить риски приобретения доли в ООО с ненадлежащими имущественными и иными значимыми характеристиками и охватить заверениями основные из них.

2. Имеющееся правовое регулирование договорных обязательств по отчуждению долей ООО позволяет использовать новые ответственно— правовые механизмы с учетом специфики корпоративной природы этих отношений.

3. Заверения об обстоятельствах — новый договорный механизм регулирования, обязательный для включения в содержание договора либо в виде составной части договора, или в виде отдельного документа.

4. Заверения об обстоятельствах в отношении имущественных и иных значимых для покупателя характеристик общества возможно получить как от продавца, так и от самого общества, что в значительной степени позволяет снизить риски для покупателя.

5. Ответственность за дачу недостоверных заверений наступает у лица, давшего указанные заверения, независимо от того, имел ли возможность покупатель самостоятельно получить эти сведения.

Библиографический список

1. Будылин С.Л. Заверения и гарантии. Компаративное исследование. М.: Инфотропик Медиа, 2017. 160 с.
2. Вишневский А.А. Заверения об обстоятельствах: к вопросу об эффективности правовой конструкции // Закон. 2017. № 11. С. 176 — 183.
3. Договорное и ответственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307-453 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: Статут, 2017. Автор раздела А.Г. Карапетов.

4. Илюшина М.Н. Сделки с долями в уставном капитале обществах с ограниченной ответственностью (учебное пособие); РПА Минюста России. — М.: РПА Минюста России, 2012. 140 с.

5. Илюшина М.Н. Сделки, опосредующие оборот долей в ООО: современное состояние законодательства и правоприменения // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2018, № 4. С.13-19.

6. Илюшина М.Н. // Постатейный комментарий к Разделу III «Общая часть обязательственного права» Под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Санниковой. — М.: Статут, 2016. С. 516-518.

7. Илюшина М.Н. Проблемы использования заверения об обстоятельствах как нового субинститута договорного права в сделках с недвижимостью // Семейное и жилищное право. 2017. № 2. С. 29 — 32.

8. См: Маглеева У.А. О многообразии заверений об обстоятельствах // Право и экономика. 2018. № 11. С. 40 — 44.

9. Милохова А.В. Заверения об обстоятельствах и последствия их недостоверности в сделках по продаже бизнеса // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 4. С. 56 — 62.

10. Осипенко О.В. Актуальные проблемы системного применения инструментов корпоративного управления и акционерного права. М.: Статут, 2018. 448 с.

Правомочия доверительного управляющего в договоре доверительного управления долями в обществах с ограниченной ответственностью по законодательству о противодействии коррупции¹

Квалификация представительства, основанного на гражданско-правовых договорах, таких как агентирование, комиссия, доверительное управление, договор простого товарищества, корпоративный договор, продолжает сохранять теоретическую актуальность и практическую значимость в силу проникновения представительских отношений в новые сферы гражданского оборота. Следует согласиться с ранее высказанной позицией, поддержанной в исследованиях позднейших представительских договорных форм, применяемых в том числе в корпоративных отношениях², что наиболее объемным термином, позволяющим сохранить вектор развития их правового инструментария, является понимание представительства в широком смысле как правоотношения, в силу которого одно лицо (представитель) совершает действия в интересах другого лица (представляемого) от своего имени или от имени представляемого с целью создания для последнего желаемых им правовых последствий³. В качестве доказательства непростого пути становления правовой квалификации договорного представительства можно привести непрекращающуюся дискуссию о самой его сути, которое может быть как прямым (для договора поручения, поскольку имеют место действия представителя от имени представляемого), так и косвенным (поскольку представитель действует от своего имени, но в интересах представляемого). Как отмечается в юридической литературе, различие между ними состоит в том, что в первом случае представитель своими действиями прямо (непосредственно) создает права и обязанности у того, кого он представляет, а при косвенном — представитель своими действиями порождает права и обязанности у самого себя с тем, что он должен перенести их на того, кто дал ему соответствующее поручение⁴.

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве РФ.

² Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью», том 2 под ред. И.С. Шиткиной, Статут, 2021. (Автор комментария к ст.37 — Харитонов Ю.С.) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Санникова Л.В. Договоры о представительстве // Журнал российского права, № 4, 2004 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Договоры о выполнении работ и оказании услуг. Книга 3, издание исправленное и дополненное. Статут, 2002 // СПС «КонсультантПлюс».

Договор доверительного управления занимает особое место среди оснований возникновения представительских полномочий в силу объема регулятивных возможностей, позволяющих как охватить общие случаи доверительного управления имуществом, так и создать специальное регулирование как в наследственных правоотношениях, так и в антикоррупционных механизмах, применяемых для преодоления конфликта интересов, прежде всего на государственной и муниципальной службе. Как справедливо указывает В.В. Витрянский: «...по своей целевой направленности данный договор может быть отнесен к категории гражданско-правовых обязательств по оказанию услуг, ибо именно в качестве услуги можно квалифицировать осуществление доверительным управляющим управления доверенным ему имуществом в интересах собственника (учредителя доверительного управления) или назначенного им лица (выгодоприобретателя)»⁵.

Именно при квалификации представительской природы договора доверительного управления в юридической литературе предлагается выделять два вида косвенного представительства. Высказывается необходимость использовать следующие термины: «открытое косвенное представительство» и «скрытое косвенное представительство». Открытое косвенное представительство имеет место в тех случаях, когда лицо информирует контрагента по договору о том, что действует как представитель (для этого доверительный управляющий в договорах проставляет свое обозначение «ДУ»), или это явствует из обстановки. К открытым косвенным представителям, помимо доверительного управляющего, можно отнести комиссионные магазины. Скрытый представитель совершает сделки от собственного имени, не раскрывая того, что он действует в чужих интересах⁶.

Антикоррупционное законодательство предусматривает, что договором, которым можно передать долю в обществе с ограниченной ответственностью другому лицу в качестве антикоррупционной меры, является только договор доверительного управления. При этом регулятивный механизм данного договора включает не только общие правила договора доверительного управления, но и содержит ряд специфических требований его применения в качестве антикоррупционного механизма.

Исходя из общих положений п. 1 ст. 1012 ГК РФ, предметом договора доверительного управления является управление имуществом в интересах учредителя управления или указанного им лица (выгодоприобретателя). При этом под управлением имуществом по общему смыслу следует

⁵ Там же, С. 839.

⁶ Санникова Л.В. Договоры о представительстве // Журнал российского права, № 4, 2004/СПС «КонсультантПлюс»

понимать совершение в отношении данного имущества в соответствии с договором доверительного управления любых юридических и фактических действий в интересах выгодоприобретателя (п. 2 ст. 1012 ГК РФ). Деятельность доверительного управляющего определяется исключительно интересами выгодоприобретателя (пункты 1, 2 статьи 1012 ГК РФ). Иными словами, как справедливо отмечает Ю.С. Харитонов, интерес управомоченного субъекта (учредителя управления или выгодоприобретателя) удовлетворяется деятельностью доверительного управляющего⁷.

Основой управления как процесса упорядоченного воздействия субъекта на объект управления является полномочие⁸, при этом полномочие представителя можно определить как секундарное правомочие, которое предоставляет представителю возможность совершить юридические действия от имени представляемого с непосредственными юридическими последствиями для последнего⁹. И, как справедливо отметил М.И. Брагинский, также относя полномочия представителя к секундарным правомочиям, их особенность состоит в том, что правомочиям представителя противостоит не обязанность другой стороны, а ее связанность¹⁰. Именно этим объясняется положение учредителя управления по отношению к управляющему и к последствиям совершаемых им действий по управлению доверительным имуществом.

В соответствии с п. 1 ст. 1012 ГК РФ передача имущества в доверительное управление не влечет перехода права собственности на него к доверительному управляющему, но согласно п. 1 ст. 1018 ГК РФ имущество, переданное в доверительное управление, обособляется от другого имущества учредителя управления, а также от имущества доверительного управляющего. Соответственно, таким образом законодатель создал правовой инструментарий для ограничения объекта воздействия и тем самым обозначил границы управления. Таким образом, можно установить следующие общие правила для определения объема полномочий по управлению имуществом в договоре доверительного управления:

- управление осуществляется только в отношении переданного имущества;
- управление осуществляется только в интересах выгодоприобретателя или указанного им лица;

⁷ Харитонов Ю.С. Управление в гражданском праве: проблемы теории и практики. М.: Норма, Инфра-М, 2011. 304 с.

⁸ Там же.

⁹ Орешин Е.И. Правовая природа полномочия представителя // Журнал российского права, 2007, № 2 / СПС «КонсультантПлюс.

¹⁰ См.: Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: В 5 кн. Кн. 3. С. 324.

- передача имущества в доверительное управление не ограничивает право учредителя управления на распоряжение объектом управления¹¹;
- управление осуществляется действиями поверенного, которые порождают правовые последствия для представляемого.

Кроме этого, в рамках предмета исследования настоящей статьи для определения границ воздействия регулятивного механизма на объем полномочий доверительного управляющего в договоре доверительного управления долями участия в обществах с ограниченной ответственностью следует принять во внимание еще два показателя: во-первых, особенности назначения доверительного управления как антикоррупционной меры и, во-вторых, особенность такого объекта управления, как доля в ООО.

Как следует из совокупности положений ст. 17 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»¹² и ст. 123 Закона «О противодействии коррупции», в случае если государственный служащий владеет ценными бумагами (долями участия, паями в уставных (складочных) капиталах организаций), он обязан в целях предотвращения конфликта интересов передать принадлежащие ему ценные бумаги (доли участия, паи в уставных (складочных) капиталах организаций) в доверительное управление в соответствии с гражданским законодательством только в случае, если владение приводит или может привести к конфликту интересов¹³. Соответственно, целью применения договора доверительного управления как антикоррупционной меры является установление для определенного круга лиц совокупности ограничений и запретов при осуществлении ими прав для предотвращения конфликта интересов. Речь идет прежде всего о корпоративных правах, вытекающих из обладания правом участия в ООО, принадлежащих лицу, в отношении которого законодатель-

¹¹ Путеводитель по судебной практике. Доверительное управление имуществом // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Собрание законодательства РФ, 2004, № 31, ст. 3215.

¹³ Ильяков А.Д., Синельщикова Е.Ю. Предупреждение конфликта интересов на государственной службе. Профилактика коррупционных правонарушений. Актуальные вопросы применения законодательства о противодействии коррупции и основные направления профилактики коррупционных правонарушений. Сборник докладов участников семинара-совещания с руководителями антикоррупционных и кадровых подразделений федеральных органов исполнительной власти и организаций, созданных для выполнения задач, поставленных перед Правительством Российской Федерации, а также органов исполнительной власти ряда субъектов Российской Федерации. Москва, Генеральная прокуратура РФ. 2021, с. 47 //file:///C:/Users/ilyus/DowNoLoads/sborNoik 2021.pdf.

ством о противодействии коррупции устанавливаются запреты и ограничения¹⁴.

Именно определенная совокупность правомочий по управлению указанными правами подлежит передаче доверительному управляющему по договору доверительного управления. И первый вопрос, который необходимо решить: какие правомочия должны быть переданы доверительному управляющему, а какие могут сохраниться у доверителя как участника ООО?

Наблюдается непоследовательная позиция судов при толковании правил антикоррупционного законодательства об объеме правомочий участника хозяйственного общества, которые должны быть переданы в доверительное управление. В частности, в одном из постановлений суда было признано правильным, что из содержания договора доверительного управления усматривается, что учредителем предоставлены управляющему права управления юридическим лицом, но с осуществлением контроля учредителем в рамках годовой отчетности, получения учредителем доходов от данного юридического лица, то есть участия учредителя, являющегося ответчиком, в осуществлении контроля и руководства с получением доходов в рамках хозяйственной деятельности данного юридического лица. Вышестоящая инстанция, отменяя решение суда по процессуальным основаниям, указала, что по смыслу приведенных норм федерального законодательства для главы местного самоуправления запрет распространяется на участие в управлении делами хозяйственного общества, а не на участие в капитале данного общества¹⁵, так как согласно ч. 3 п. 2 ст. 12.1 Федерального закона от 25.12.2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» лица, замещающие государственные и муниципальные должности и осуществляющие свои полномочия на постоянной основе, не вправе заниматься предпринимательской деятельностью лично или через доверенных лиц, участвовать в управлении хозяйствующими субъектами независимо от их организационно-правовых форм.

Здесь следует обратиться к позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в п. 4.3 Постановления от 27.12.2012 № 34-П, где было указано, что само по себе владение акциями (долями участия в уставном капитале), обуславливающее право принимать участие в работе общего собрания хозяйственного общества, не может рассматриваться как об-

¹⁴ См. подробнее: Илюшина М.Н. Передача в доверительное управление ценных бумаг, долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций как элемент антикоррупционных стандартов, обеспечивающих предупреждение коррупции // Законы России: опыт, анализ, практика, № 2, 2022, с.92-98.

¹⁵ Апелляционное определение Свердловского областного суда от 03.09.2014 по делу № 33-10436/2014 // СПС «КонсультантПлюс.

стоятельство, нарушающее требования Федерального закона «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» и тем самым влекущее досрочное прекращение полномочий депутата Государственной Думы. Названный Федеральный закон допускает для парламентариев возможность владеть приносящими доход ценными бумагами, акциями (долями участия в уставном капитале организации) и не требует их обязательного отчуждения: согласно части второй 1 статьи 6 названного Федерального закона в случае, если владение членом Совета Федерации или депутатом Государственной Думы приносящими доход ценными бумагами, акциями (долями участия в уставном капитале организации) может привести к конфликту интересов, он обязан передать принадлежащие ему указанные ценные бумаги, акции (доли участия в уставном капитале организации) в доверительное управление в соответствии с законодательством Российской Федерации¹⁶.

Соответственно, доверительный управляющий долями в ООО, полученными в доверительное управление от государственного служащего, должен получить по договору и обладать всеми правомочиями по управлению обществом. При этом следует исходить из понимания того, какие полномочия относятся к полномочиям по управлению хозяйственным обществом и должны быть переданы доверительному управляющему, а какие полномочия могут быть оставлены у учредителя доверительного управления долями и акциями. Как устанавливается в Постановлении Конституционного Суда от 27.12.2012 № 34-П, вхождение в состав органов управления хозяйственного общества или иной коммерческой организации и участие в работе высшего органа управления хозяйственным обществом — общего собрания, на котором принимаются решения по поводу осуществления предпринимательской деятельности, безусловно, является видом экономической деятельности, поскольку связано с участием в управлении деятельностью соответствующей коммерческой организации, которая по своей природе относится к предпринимательской деятельности. Следовательно, во избежание нарушения запрета, вытекающего из статьи 97 (часть 3) Конституции Российской Федерации депутат Государственной Думы не вправе входить в состав органов управления любой коммерческой организации, в том числе участвовать в работе общего собрания хозяйственного общества. Если же устранение от

¹⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.12.2012 № 34-П «По делу о проверке конституционности положений пункта «в» части первой и части пятой статьи 4 Федерального закона «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СПС «КонсультантПлюс».

участия в работе общего собрания хозяйственного общества без ущерба для его деятельности или имущественных интересов самого акционера (участника) фактически невозможно, он должен передать принадлежащие ему ценные бумаги, акции (доли участия в уставном капитале организации) в доверительное управление¹⁷.

В юридической литературе приводится следующее определение права на управление участника коммерческой корпоративной организации: «Право на участие в управлении делами корпорации — установленная законом возможность участников (членов) корпорации формировать ее высший орган и участвовать в его работе»¹⁸. Именно таким образом понимается в антикоррупционном законодательстве запрет: «не вправе участвовать в управлении коммерческой или некоммерческой организацией» и «обязанность передать в доверительное управление принадлежащие ему ценные бумаги (доли участия, паи в уставных (складочных) капиталах организаций) в доверительное управление в соответствии с гражданским законодательством Российской Федерации».

Соответственно, в доверительное управление должны быть переданы не только полномочия единоличного исполнительного органа и органов контроля юридического лица, но и вся совокупность полномочий управления, в которую входят в том числе полномочия рядовых участников хозяйственных обществ¹⁹:

- право на участие в подготовке к проведению общего собрания акционеров (участников);
- внесение вопросов в повестку дня собрания, выдвижение кандидатов в органы управления и иные органы хозяйственного общества (ст. 53 Закона об АО; ст. 36 Закона об ООО);
- участие в общем собрании акционеров (участников) хозяйственного общества — лично или через своего представителя (ст. 51, 57 Закона об АО; ст. 37 Закона об ООО);
- голосование по вопросам повестки дня общего собрания акционеров (участников) (ст. 31, 32, 49, 59 — 61 Закона об АО; ст. 32 Закона об ООО);
- требование проведения внеочередного общего собрания акционеров (участников) (п. 1 ст. 55 Закона об АО; п. 2 ст. 35 Закона об ООО);

¹⁷ Там же.

¹⁸ «Корпоративное право: Учебный курс» (том 1), отв. ред. И.С. Шиткина. Статут, 2017. // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ Перечень полномочий излагается на основе перечня, представленного в учебно-методическом пособии Шиткиной И.С. «Корпоративное право в таблицах и схемах». 3-е издание, переработанное и дополненное. Юстицинформ, 2017 // СПС «КонсультантПлюс».

— созыв внеочередного общего собрания участников ООО при наличии оснований, предусмотренных законом (п. 4 ст. 35 Закона об ООО).

Судебная практика также признает за доверительным управляющим право на обращение в суд с требованиями об исключении другого участника из состава ООО²⁰.

Доверительный управляющий долями является надлежаще уполномоченным лицом, способным совершать любые сделки от имени юридического лица (если передана 100 процентов долей в ООО), только в случае представления соответствующих документов, где указан статус доверительного управляющего этим ООО, в частности подтверждающих полномочия лица на осуществление действий от имени участника открытого конкурса — юридического лица. Как указывается в Решении Управления федеральной антимонопольной службы по одному из дел, исходя из статьи 39 Закона об ООО в обществе, состоящем из одного участника, решения по вопросам, относящимся к компетенции общего собрания участников общества, принимаются единственным участником общества единолично и оформляются письменно. Таким образом, документом, подтверждающим полномочия единоличного исполнительного органа как заявителя в контрактных процедурах, так и управляющей компании, является протокол общего собрания или письменно оформленное решение единственного участника²¹. Но в этом случае на такого доверительного управляющего, который является единственным участником общества и представляет интересы ООО в гражданском обороте, должны распространяться ограничения, введенные законодательством о банкротстве. В течение трех лет после завершения процедуры личного банкротства гражданин не имеет права руководить ООО или иным образом участвовать в управлении обществом²².

Кроме того, в судебных постановлениях последовательно подтверждается позиция, что доверительный управляющий вправе осуществлять все полномочия, которые возникают в связи с владением этой долей. Кроме того, так как в силу пункта 3 статьи 1020 ГК РФ доверительный управляющий при осуществлении своих полномочий действует от собственного

²⁰ Определение Приморского краевого суда от 12 мая 2016 г. по делу № 33а-4545) // СПС «КонсультантПлюс».

²¹ Решение Управления федеральной антимонопольной службы по Челябинской области от 3 декабря 2015 года // СПС «КонсультантПлюс».

²² Информация ФНС России «Разъяснены особенности внесения в ЕГРЮЛ сведений о новых участниках компаний» // СПС «КонсультантПлюс».

имени, следовательно, доверенность с целью запроса информации у хозяйственного общества не требуется²³.

В судебной практике также актуален вопрос о возможности учредителя управления реализовать в отношении объекта управления правомочия собственника, в частности правомочия по владению, пользованию и распоряжению согласно п. 1 ст. 209 ГК РФ, закрепляющему соответствующий объем прав. Исходя из природы договора доверительного управления, передача имущества в доверительное управление не ограничивает право учредителя управления на распоряжение объектом управления, в том числе если лицо стало учредителем управления в результате приобретения имущества, обремененного доверительным управлением. В п. 7.1 Рекомендаций Научно-консультативного совета при Федеральном арбитражном суде Уральского округа № 1/2007 изложена позиция, согласно которой учредитель управления — собственник имущества, переданного в доверительное управление, сохраняет за собой предусмотренные законом (п. 1 ст. 209 ГК РФ) права владения, пользования и распоряжения своим имуществом²⁴.

Определяя границы полномочий доверительного управляющего, исходя из природы объекта управления — доли в ООО, следует подчеркнуть, что доверительный управляющий, которому переданы полномочия участника, не может получить по договору полномочия, которые отнесены законом или уставом к компетенции общего собрания или других органов общества.

Соответственно, делая вывод об особенностях представительских полномочий доверительного управляющего, получившего свой статус на основе договора в качестве меры антикоррупционной деятельности, следует сказать, что данное лицо не имеет специальной цели управления, прямо предусмотренной законом для этого случая, как, например, в наследственных правоотношениях, соответственно, имеет общую цель, указанную в п. 1 ст. 1012 ГК — действовать в интересах учредителя управления или указанного им лица (выгодоприобретателя), соответственно, ее уточнение возможно в тексте договора. Именно это обстоятельство будет определять возможный объем правомочий доверительного управляющего.

При этом, так как для учредителя управления, сохраняющего право владения, пользования и распоряжения долями в ООО, запрещается на весь период действия антикоррупционных ограничений осуществлять

²³ Постановление ФАС Северо-Западного округа от 31.10.2012 по делу № А56-57687/2011 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁴ См. также: Определение ВАС РФ от 11.02.2010 № ВАС-17481/09 по делу № А40-19100/08-155-125 // СПС «КонсультантПлюс».

управленческие полномочия, соответственно, указанные полномочия вправе осуществлять в полном объеме только доверительный управляющий.

Библиография:

1. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Договоры о выполнении работ и оказании услуг. Книга 3, издание исправленное и дополненное. Статут, 2002 // СПС «КонсультантПлюс».

2. Ильяков А.Д., Синельщикова Е.Ю. Предупреждение конфликта интересов на государственной службе. Профилактика коррупционных правонарушений. Актуальные вопросы применения законодательства о противодействии коррупции и основные направления профилактики коррупционных правонарушений. Сборник докладов участников семинара-совещания с руководителями антикоррупционных и кадровых подразделений федеральных органов исполнительной власти и организаций, созданных для выполнения задач, поставленных перед Правительством Российской Федерации, а также органов исполнительной власти ряда субъектов Российской Федерации. Москва, Генеральная прокуратура РФ. 2021, с. 47 //file:///C:/Users/ilyus/Downloads/sbor№ik 2021.pdf.

3. Илюшина М.Н. Передача в доверительное управление ценных бумаг, долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций как элемент антикоррупционных стандартов, обеспечивающих предупреждение коррупции // Законы России: опыт, анализ, практика, № 2, 2022, с. 92-98.

4. Корпоративное право: Учебный курс (том 1), отв. ред. И.С. Шиткина. Статут, 2017 // СПС «КонсультантПлюс».

5. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью», том 2. Под ред. И.С. Шиткиной, Статут, 2021. (Автор комментария к ст. 37 — Харитонов Ю.С.) // СПС «КонсультантПлюс».

6. Санникова Л.В. Договоры о представительстве // Журнал российского права, № 4, 2004 // СПС «КонсультантПлюс».

7. Харитонов Ю.С. Управление в гражданском праве: проблемы теории и практики. М.: Норма, Инфра-М, 2011. 304 с.

8. Орешин Е.И. Правовая природа полномочия представителя // Журнал российского права, 2007, № 2/ СПС «КонсультантПлюс».

9. Шиткина И.С. Корпоративное право в таблицах и схемах. 3-е издание, переработанное и дополненное. Юстицинформ, 2017 // СПС «КонсультантПлюс».

Правовое регулирование перехода прав на долю в ООО супругу по неотчуждаемым сделкам

Существующая редакция ст. 21 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»¹ устанавливает определенный, хотя и не закрытый перечень оснований перехода доли или части доли участника общества в уставном капитале общества к другим участникам общества и третьим лицам. Пункт 1 ст. 21 Закона об ООО предписывает, что переход доли может осуществляться:

- на основании сделки;
- в порядке правопреемства;
- на ином законном основании.

Понятно, что правопреемство осуществляется в случаях наследования и реорганизации юридического лица, иное законное основание — это корпоративные основания перехода. Классической формой перехода прав на долю являются отчуждаемые сделки. При этом следует отметить, что сделкой, требующей нотариального оформления, является также продажа с публичных торгов доли в ООО в качестве государственного и муниципального имущества.

С 1 июля 2009 г. Закон об ООО создал новый правовой механизм отчуждения долей в ООО², в рамках которого ввел новый порядок совершения сделок с долями ООО, новую форму — нотариально удостоверенную, включил в процедуру легализации нового участника, элементы публично-правового регулирования.

В соответствии с положениями ст. 21 Закона об ООО уставом общества может быть установлен запрет на отчуждение участником общества своей доли третьим лицам (не участникам общества). Если в уставе такого запрета нет, доли могут отчуждаться не только участникам общества, но и третьим лицам. В этом случае участники ООО пользуются преимущественным правом покупки доли участника или ее части по цене предложения третьему лицу пропорционально размерам своих долей (прежняя редакция ст. 21 Закона об ООО).

В практике корпоративной деятельности более всего востребован созданный в законодательстве механизм отчуждения долей на основании сделки. Редакция п. 2 ст. 21 Закона об ООО предусматривает, что таких

¹ Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства РФ, 1998, № 7, ст. 785.

² Федеральный закон от 30.12.2008 № 312-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 2009, № 1, ст. 20.

сделок может быть две: купля-продажа и отчуждение иным образом. Прежняя редакция устанавливала две формы перехода доли — продажа и уступка иным образом, хотя по содержанию ст. 21 данного закона было ясно, что речь идет о безвозвратной передаче прав на долю или часть доли. Используя принцип направленности результата, налицо во всех сделках о переходе доли признанная цель любой отчуждательной сделки — направленность на передачу имущества³. Доля в уставном капитале ООО свидетельствует о наличии у участника общества определенных корпоративных прав в отношении соответствующей части всего имущества ООО.

Корпоративное законодательство и корпоративные документы называют ограничениями отчуждения доли: преимущественное право участников на приобретение доли; требование о согласии участников и самого общества на отчуждение доли либо запрет на ее отчуждение; запрет (ограничение) на отчуждение неоплаченной доли (части доли).

Поскольку запреты и ограничения определяют тип и вид заключаемого договора, необходимо проанализировать, насколько институт преимущественных прав участников ООО создает запреты и ограничения для осуществления сделок. Надо признать, что наличие преимущественных прав покупки отчуждаемой доли у участников обусловлено закрытым характером отношений в ООО, стремлением исключить возможность перехода прав участия к третьим лицам с целью сохранения существующего состава участников⁴.

Следует отметить, что преимущественные корпоративные права являются разновидностью имущественных прав. Они возникают по поводу присвоения материальных благ в виде долей в уставном капитале хозяйственного общества. На имущественную природу рассматриваемых прав указывается и в зарубежной юридической литературе⁵. Преимущественные права обеспечивают их носителю господство над действиями субъекта, намеревающегося произвести отчуждение долей в уставном капитале хозяйственного общества. Но при этом следует заметить, что существует иная точка зрения на природу преимущественных прав. По мнению Д.В. Ломакина, нельзя рассматривать преимущественные корпоративные права на приобретение отчуждаемых в пользу третьих лиц долей в качестве ограничения прав их продавца. Фактически правомочие владельца

³ См.: Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: в 4 кн. 3-е изд., стер. Кн. 1: Общие положения. М.: Статут, 2001. С. 399.

⁴ См.: Новоселова Л.А. Преимущественное право покупки доли в обществе с ограниченной ответственностью // Хоз-во и право. 2009. № 12.

⁵ См., напр.: Проблемы гражданского и предпринимательского права Германии / пер. с нем. М.: БЕК, 2001.

долей по распоряжению ими никем и ничем не ограничивается, просто в случае их продажи законодатель устанавливает особый способ осуществления названного правомочия⁶. Формулировка п. 4 ст. 21 Закона об ООО свидетельствует о том, что право преимущественной покупки возникает только в тех случаях, когда доля продается третьему лицу. Под третьим лицом понимается всякое лицо, не являющееся участником общества.

При этом соблюдение преимущественного права обязательно только при продаже доли, а в случаях безвозмездного отчуждения доли оно не действует (например, при дарении). Данную позицию подтверждает и сложившаяся судебная практика. Так, в постановлении Федерального арбитражного суда Московского округа от 10.06.2004 по делу № КГ-А40/4672-04⁷ говорится, что «на случай безвозмездной передачи участником принадлежащей ему доли третьему лицу права преимущественной покупки не распространяются».

Следующим ограничением в распоряжении долями является требование о согласии участников или самого общества на отчуждение доли либо запрет на отчуждение доли в случае установления такого требования.

Закон об ООО прямо оговаривает возможность установления требования о согласии только в отношении отчуждения доли другим участникам общества (п. 2 ст. 21). При этом Закон об ООО не содержит прямой нормы о том, что устав общества может предусматривать согласие на отчуждение доли третьим лицам.

В отношении полного запрета отчуждения доли Закон об ООО указывает, что запрет может быть установлен на отчуждение доли третьим лицам. Однако, как было уже отмечено, согласно п. 3 ст. 8 Закона об ООО участники общества также могут заключить договор об осуществлении прав участников общества, по которому они обязуются осуществлять определенным образом свои права и (или) воздерживаться от осуществления указанных прав, в том числе от отчуждения доли до наступления определенных условий, то есть установить корпоративный запрет или ограничение на распоряжение долей в ООО корпоративным договором.

В случае отчуждения доли с нарушением положений устава о согласии на отчуждение доли либо запрета на отчуждение доли, участник общества либо само общество вправе потребовать в судебном порядке передачи доли или части доли обществу в течение трех месяцев со дня, когда они узнали или должны были узнать о таком нарушении (абз. 3 п. 18 ст. 21 Закона об ООО).

⁶ См.: Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М.: Статут, 2008.

⁷ Постановление ФАС Московского округа от 10.06.2004 № КГ-А40/4672-04 // СПС «КонсультантПлюс».

В связи с вышеизложенным довольно актуальным является проблема квалификации договоров о судьбе супружеского имущества при его разделе. Во многом возможности определения юридической судьбы имущества предпринимательского назначения, нажитого во время брака, регулируются правилами не семейного, а прежде всего корпоративного законодательства⁸.

Сегодня Семейный кодекс допускает заключение между супругами договоров, регулирующих их отношения по поводу общего имущества. Такими договорами являются соглашение о разделе имущества супругов (ст. 38 СК) и брачный договор (гл. 8 СК). Помимо этого, ст. 74 Основ законодательства о нотариате возлагает на нотариусов обязанность выдавать по совместному письменному заявлению супругов одному из них или обоим свидетельство о праве собственности на долю в общем имуществе, нажитом во время брака супругов, имеющееся в натуре на момент его заключения. Следует отметить, что длительное время в доктринальной литературе и в правоприменительной практике существовала дискуссия по поводу природы перехода прав на долю в ООО на основании брачного договора и соглашения о разделе супружеского имущества и возможности применения к этим формам перехода механизма отчуждения долей третьим лицам, предусмотренного корпоративным законодательством и (или) уставом.

Следует отметить, что общая ситуация с иными сделковыми основаниями перехода складывается так, что вся имеющаяся к настоящему дню судебная практика, включая позицию, изложенную в Определении Конституционного Суда РФ от 03.07.2014 № 1564-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Соловьевой Татьяны Алексеевны на нарушение ее конституционных прав положением пункта 2 статьи 21 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»⁹, квалифицирует указанные случаи как основания перехода доли, пусть и не по отчуждательной сделке, но третьему лицу. В силу этого в уставе ООО может содержаться запрет или группа условий о порядке перехода прав на долю к третьему лицу, которая в том числе охватывает переход доли к супругу на основании брачного договора и (или) соглашения о разделе супружеского имущества. То обстоятельство, что на основании указанных соглашений состоится переход доли именно как к третьему лицу (по отношению к обществу) было однозначно признано как чрезвычайно важное обстоятельство для общества с ограниченной ответственностью,

⁸ Подробнее см.: Илюшина М.Н., Чашкова С.Ю. Особенности договорных форм раздела общего имущества супругов предпринимательского назначения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 3.

⁹ Вестник Конституционного Суда РФ, № 6, 2014.

поскольку появление любого третьего лица в качестве нового участника будет изменять сложившееся товарищеское объединение и в ряде случаев влиять на соотношение корпоративных прав и обязанностей. А принимая во внимание особенность соглашений о судьбе супружеского имущества и понимая, что супруги имеют субъективное право на заключение таких соглашений и ничьего согласия при этом не требуется, судебные инстанции выделяют в праве на долю ООО имущественные права и корпоративные права, тем самым достигая баланса интересов при регулировании этих общественных отношений. Имущественные права участника хозяйственного общества переходят к супругам на основании таких соглашений, но корпоративные права перейти не могут, если на то не получено согласие других участников и (или) не соблюдена иная процедура, предусмотренная уставом ООО. Позиция Конституционного Суда 2014 г. и в целом судебных инстанций на сегодняшний день носит однозначный характер: заключение брачного договора и соглашения о разделе супружеского имущества, направленных на прекращение прав на долю в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью супруга — участника общества и, как следствие, на изменение состава участников общества, подпадает под регулирование положений статьи 21 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», устанавливающих правила перехода доли в уставном капитале общества к третьим лицам. Одним из самых убедительных аргументов, определяющих природу перехода доли в ООО на основании соглашений супругов о судьбе супружеского имущества является признание того обстоятельства, как отмечено в указанном Определении, что закрепленная в уставе необходимость получить согласие на отчуждение доли (части доли) третьим лицам устанавливается для всех способов отчуждения доли или части доли третьим лицам, поскольку федеральный законодатель, формулируя эти нормы, во главу угла ставит не определение в уставе способа отчуждения участником своей доли (части доли), а круг лиц, которым участник не вправе (либо не вправе без согласия остальных участников) ни продать, ни подарить, с которыми он не может обменять долю (часть доли) и кому он не вправе каким-либо иным образом осуществить отчуждение своей доли (части доли). И в этот круг лиц входят все третьи лица¹⁰. Последняя судебная практика дополнила данную позицию еще рядом аргументов. В частности, судебные инстанции, разрешая такого рода споры, в которых истцы оспаривают отказы во внесении изменений в ЕГРЮЛ о переходе прав на долю в ООО на основании брачных договоров или соглашений о разделе супружеского имущества, которые выносит регистрирующий орган, указывают, что, исходя из пра-

¹⁰ Там же.

вой природы корпоративной составляющей права на долю общества, это право может осуществляться только самим участником общества.

Таким образом, супруг участника общества, являющийся собственником доли общества в силу ст. 34 Семейного кодекса Российской Федерации, должен рассматриваться по отношению к самому обществу как третье лицо, а не как участник общества. Брачный договор, устанавливающий режим раздельной собственности на долю общества того супруга, который не является участником общества, направлен на прекращение всех прав на указанную долю, принадлежащих супругу — участнику общества. По своей сути рассматриваемый брачный договор является договором отчуждения доли третьему лицу, влекущим переход не только имущественных, но и корпоративных прав: права участвовать в управлении обществом (присутствовать на общем собрании участников общества, голосовать при принятии решений), получать информацию о деятельности общества, знакомить его с документацией и т.д.¹¹.

А так как нотариус, осуществив нотариальное удостоверение брачного договора или соглашения о разделе супружеского имущества, в случае если данное соглашение подлежит немедленному исполнению, обязан направить заявление в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц, в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью нотариуса, то, соответственно, необходимо, получить согласие участников ООО на переход доли. Как сказано в одном из судебных постановлений: «Решение регистрирующего (налогового) органа о внесении сведений в ЕГРЮЛ о Парфеновой Т.В. как участнике общества само по себе не ведет к возникновению у указанного лица корпоративных прав...» В данном случае Парфенова Т.В., приобретая право на долю в уставном капитале общества «Фирма «АДА» в результате раздела общего имущества супругов, должна была соблюсти необходимую корпоративную процедуру: получить согласие участников общества на вхождение в их состав»¹². В этом случае, если по уставу ООО отчуждение долей третьим лицам ограничено, такой супруг (бывший супруг) получает право обратиться к обществу с требованием о вхождении в состав участников общества. Право на получение действительной стоимости доли у супруга (бывшего супруга) возникает только в случае отказа других участников в переходе прав на долю или ее

¹¹ П.1.3 Письма ФНС России от 30.10.2020 № KB-4-14/17869@ «О направлении Обзора судебной практики по спорам с участием регистрирующих органов № 3 (2020)» // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 06.04.2021 № 305-ЭС20-22249 по делу № А40-324092/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

часть к такому лицу (пункт 1 статьи 6 ГК РФ, пункт 5 статьи 23 Закона об обществах). Такие же правовые последствия возникают и в случае при-суждения супругу (бывшему супругу) в порядке раздела совместно нажи-того имущества доли в уставном капитале общества¹³.

Таким образом, переход доли в ООО к супругу на основе брачного договора, соглашения о разделе супружеского имущества или решения суда, осуществившего такой раздел, не являясь по своей природе от-чуждательной сделкой, представляет собой переход доли третьему лицу. Соответственно, на эти случаи распространяется общий порядок, преду-смотренный в ст. 21 Закона об ООО о переходе доли третьему лицу, в силу которого, если устав общества ограничивает отчуждение долей третьим лицам, бывшая супруга должна получить согласие других участников на то, чтобы войти в их состав. Без такого согласия она вправе получить только стоимость своей доли.

Библиография

1. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: в 4 кн. 3-е изд., стер. Кн. 1: Общие положения. М.: Статут, 2001. С. 399.
2. Илюшина М.Н., Чашкова С.Ю. Особенности договорных форм раз-дела общего имущества супругов предпринимательского назначения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 3.
3. Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М.: Статут, 2008.
4. Новоселова Л.А. Преимущественное право покупки доли в обще-стве с ограниченной ответственностью // Хоз-во и право. 2009. № 12.
5. Проблемы гражданского и предпринимательского права Герма-нии / пер. с нем. М.: БЕК, 2001.

¹³ Там же.

Проблема передачи полномочий единоличного исполнительного органа в обществах с ограниченной ответственностью

Правомочие на передачу своих прав другому лицу есть как у любого участника хозяйственного общества, так и у единоличного исполнительного органа. И если участник, как любое физическое лицо или юридическое лицо, передает своему представителю свои корпоративные полномочия, то единоличный исполнительный орган передает право представительства от имени общества. В соответствии с подпунктом 2 пункта 3 статьи 40 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» единоличный исполнительный орган общества вправе без доверенности действовать от имени общества, в том числе представлять его интересы, совершать сделки и выдавать доверенности на право представительства от имени общества, в том числе доверенности с правом передоверия.

Это исходное правило, которое установлено законом. Именно это положение определяет общие требования к порядку передачи и объему передаваемых полномочий. Как указано в одном из судебных постановлений, в соответствии с подпунктом 2 пункта 3 статьи 40 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» право выдавать доверенности на право представительства от имени общества предоставлено только единоличному исполнительному органу¹.

Кроме того, исходя из доктринального тезиса о том, что компетенция органов юридического лица — это система распределенных полномочий, в которых реализуется дееспособность юридического лица, а содержание ст. 53 ГК РФ предполагает делимость компетенции или полномочий, поскольку в законе содержится ссылка на то, что возможно выступать от имени юридического лица несколькими лицам², соответственно, единоличный исполнительный орган может передавать свои правомочия как одновременно нескольким лицам, так и одному лицу. В этой части не возникает каких-либо трудностей для квалификации такого представительства как вполне допустимого, основанного на положениях законодательства и вытекающего из сущности управленческих функций единоличного исполнительного органа в коммерческих корпорациях. Гораздо

¹ Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 20.11.2014 по делу № А21-5181/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

² Олейник О.М. Договор о передаче полномочий исполнительного органа общества: проблемы квалификации и применения // Закон. 2015. № 12. С. 150 — 158.

сложнее представляются вопросы о том, какой объем полномочий единоличного исполнительного органа (далее — директор) может быть передан представителю и зависит ли данный объем от правовой формы представительства.

На сегодняшний день наиболее урегулированным представляется представительство, которое возникает у управляющей организации или управляющего. Согласно части 1 статьи 42 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» общество вправе передать по договору осуществление полномочий своего единоличного исполнительного органа управляющему. В соответствии с нормой, утвержденной пунктом 2 части 2 статьи 67.1 Гражданского кодекса Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ, передача полномочий единоличного исполнительного органа возможна только или хозяйственному обществу (управляющей организации), или индивидуальному предпринимателю (управляющему).

Как было постановлено в одном из судебных дел, по результатам системного анализа правовых норм и их взаимосвязанного толкования следует, что передача полномочий единоличного исполнительного органа возможна только путем подписания соответствующего договора с хозяйственным обществом (управляющей организацией) или индивидуальным предпринимателем (управляющим)³. И как отмечается в юридической литературе, вопрос о квалификации договора о передаче полномочий единоличного исполнительного органа, заключенного с управляющей организацией (управляющим), разрешен в Постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23.01.2007 № 11578/06. В нем указано, что договор о передаче полномочий единоличного исполнительного органа управляющей организации (индивидуальному предпринимателю) является гражданско-правовой сделкой, в силу которой управляющая организация (управляющий) обязывается оказывать юридическому лицу (обществу) управленческие услуги и наделяется в связи с этим полномочиями по распоряжению имуществом общества⁴. Однако и здесь надо помнить, что некоторые из полномочий единоличного исполнительного органа не могут быть реализованы исполняющим обязанности. Например, управляющий не может быть заявителем при внесении изменений в учредительные документы и (или) в сведения ЕГРЮЛ в большинстве случаев, поскольку таким правом в силу прямого указания п. 1.3 ст. 9 За-

³ Решение Московского УФАС России от 28.03.2019 по делу № 1-11-1412/77-18 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Олейник О.М. Договор о передаче полномочий исполнительного органа общества: проблемы квалификации и применения // Закон. 2015. № 12. С. 150 — 158.

кона о госрегистрации юрлиц и ИП может быть только руководитель постоянно действующего исполнительного органа. Кроме того, такие императивные положения о необходимости осуществления тех или иных полномочий единоличного исполнительного органа может содержать и Закон об ООО, например право принимать решения о созыве общего собрания в ООО принадлежит только единоличному исполнительному органу (п. 2 ст. 35 Закона об ООО).

Особого рассмотрения заслуживает проблема передачи полномочий директора по доверенности или по приказу. Следует признать, что, как отмечается в юридической литературе, компетенция единоличного исполнительного органа — остаточная, таким образом, этот орган может осуществлять любые полномочия в сфере текущей деятельности хозяйственного общества, за исключением отнесенных законодательством и уставом к компетенции общего собрания акционеров (участников) и совета директоров. Соответственно, и уставы хозяйственных обществ, как правило, содержат широкий и незакрытый перечень вопросов, которые относятся к ведению единоличного исполнительного органа⁵.

Вопрос о возможности передачи полномочий директора уже длительное время остается актуальным для нотариальной практики. Возникла необходимость определиться, какие полномочия, в каком объеме и в каком порядке возможно передать, а также возможно ли передать все полномочия единоличного исполнительного органа.

В нотариальной практике все чаще стали обнаруживаться доверенности, выданные директором третьему лицу, на основании которых по образу и подобию генеральной доверенности, выдаваемой одним физическим лицом другому физическому лицу, передавался самый широкий объем полномочий, а иногда и все правомочия. Как известно, объем правомочий, передаваемых на основании генеральной доверенности, может полностью совпадать с объемом прав доверителя. То есть в случае выдачи генеральной доверенности вместо доверителя в отношениях с третьими лицами выступает другое лицо — представитель, наделенный всем объемом прав доверителя по отношению к какому-либо имуществу и в совершении определенных действий (деятельности), создавая или изменяя гражданские права и обязанности представляемого. Понятно, что доверенность с таким объемом полномочий при наличии уже названных императивных правил законодательства о выполнении отдельных полномочий только директором, не допущена в отношении единоличного исполнительного органа.

⁵ Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью», том 2, под ред. И.С. Шиткиной, Статут, 2021, (автор комментария — Филиппова С.Ю. в соавторстве с Харитоновой Ю.С.) // СПС «КонсультантПлюс».

Действительно, в соответствии с пунктами 1 и 3 статьи 40 Закона № 14-ФЗ установлено, что единоличный исполнительный орган общества (генеральный директор, президент и другие) избирается общим собранием участников общества на срок, определенный уставом общества, он без доверенности действует от имени общества, в том числе представляет его интересы и совершает сделки, выдает доверенности на право представительства от имени общества, в том числе доверенности с правом передоверия. Общие требования к доверенности, выдаваемой директором, действующими от имени юридического лица, установлены в п. 4 ст. 185.1 ГК РФ. Доверенность от имени юридического лица выдается за подписью его руководителя и по общему правилу не требует нотариального оформления, если такие требования не вытекают из закона (например, для подачи документов на государственную регистрацию прав на недвижимое имущество, для совершения сделки, требующей нотариального удостоверения). Решен вопрос и о судьбе доверенности, выдаваемой юридическими лицами в порядке передоверия, она также не требует нотариального оформления (п. 3 ст. 187 ГК РФ). Надо отметить, что необходимость определиться с юридической судьбой такой «генеральной» доверенности, выданной от имени юридического лица его директором, наблюдалась еще в практике Высшего Арбитражного Суда РФ (далее — ВАС РФ). Во многом вопросы правоприменения в отношении применения института представительства для передачи полномочий единоличного исполнительного органа были определены основными положениями Постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» (далее — Постановление Пленума ВАС № 62)⁶. По одному из таких споров ВАС РФ, основываясь на выработанной позиции оценки ответственности директора за свои действия и в целом сомневаясь в допустимости такого представительства, указал: из материалов дела следует, что ответчик выдал Волкову Н.В. доверенность с объемом полномочий, фактически равным своим. В отсутствие какого-либо обоснования подобные действия единоличного исполнительного органа, не обусловленные характером и масштабом хозяйственной деятельности общества, не могут быть признаны разумными, то есть соответствующими обычной деловой практике. В этом случае при отсутствии объективных обстоятельств, свидетельствующих о разумной возможности делегирования своих полномочий, директор должен доказать, что его действия по передаче своих полномочий другому лицу были добросовестными и

⁶ Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // СПС «КонсультантПлюс».

разумными, а не ограничиваться формальной ссылкой на наличие у него безусловного права передавать такие полномочия любому лицу⁷.

Надо отметить, что, по нашему мнению, данное сомнение основано на верном понимании цели избрания и исходного назначения в хозяйственном обществе такого органа, как единоличный исполнительный орган. Весь смысл его деятельности заключается как раз в осуществлении полномочий в сфере текущей деятельности хозяйственного общества, его фигура избирается на общем собрании и таким образом проходит его согласование с участниками общества. Появление же другой подобной фигуры с равным объемом полномочий явно противоречит сущности института единоличного исполнительного органа в корпорации и по меньшей мере нарушает баланс интересов в обществе, а в худшем случае будет прямо обслуживать интересы конкретных лиц. Кроме того, не надо забывать, что Постановлением Пленума ВАС № 62 установлены и особые условия ответственности директора. В случаях недобросовестного и (или) неразумного осуществления обязанностей по выбору и контролю за действиями (бездействием) представителей, контрагентов по гражданско-правовым договорам, работников юридического лица, а также ненадлежащей организации системы управления юридическим лицом директор отвечает перед юридическим лицом за причиненные в результате этого убытки (пункт 3 статьи 53 ГК РФ). Все вышеперечисленное однозначно показывает, что передача полномочий единоличного исполнительного органа во многом определяется спецификой этих полномочий и сущностью корпоративных правоотношений и не может основываться только на общих подходах, определяющих объем правоспособности любого участника гражданского оборота.

Таким образом, в период с 2014 года в правоприменительной практике судов начал формироваться подход, в силу которого всякая передача директором представителю по доверенности объема полномочий, фактически равного своим полномочиям, не поддерживалась, если такая передача не отвечала признакам разумности, в частности не была обусловлена характером и масштабом хозяйственной деятельности общества и не соответствовала сложившейся деловой практике. Затем, по мере увеличения споров, имеющих предметом оспаривание законности такого рода доверенностей и углубления понимания места этого правового явления в системе гражданских и корпоративных правоотношений, произошло завершение квалификации передачи в полном объеме полномочий директора хозяйственного общества на основании доверенности как фактиче-

⁷ Постановление Президиума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 21 января 2014 г. № 9324/13 // СПС «КонсультантПлюс».

ской передачи полномочий директора управляющему.⁸ А учитывая, что принятие решения о передаче полномочий единоличного исполнительного органа общества управляющему, утверждение такого управляющего и условий договора с ним пунктом 4 части 2 статьи 33 Закона об ООО отнесены к компетенции общего собрания участников общества, то без решения общего собрания участников общества передача прав на управление обществом в объеме полномочий единоличного исполнительного органа законом не допускается. Соответственно, такая квалификация давала судам право признавать такие доверенности, выданные в нарушение требований Закона об ООО, при наличии признаков злоупотребления ничтожными сделками.

Особо следует отметить, что в последней судебной практике по указанному виду споров продолжается формирование позиции, в основу которой положена детализация природы полномочий директора, которые могут быть переданы по доверенности в полном объеме или в части. Определенную веху на этом пути представляет позиция, изложенная в Определении Верховного Суда РФ от 28.09.2021 № 310-ЭС21-16754 по делу № А35-6102/2020⁹. В указанном споре суд также признал, что бывшим директором путем выдачи доверенностей фактически назначены лица, которые управляют юридическим лицом. Суд квалифицировал выдачу спорных доверенностей в части передачи поверенным управленческих функций как сделку, совершенную с нарушением требований корпоративного законодательства, прав и законных интересов акционеров (пункт 1 статья 168 Гражданского кодекса Российской Федерации). В соответствии со статей 10, 168 (пункт 2) Гражданского кодекса Российской Федерации суд признал сделки ничтожными и удовлетворил заявленные требования в этой части. Однако, учитывая поведение поверенных, которые после увольнения руководителя общества фактически способствовали осуществлению обычной хозяйственной деятельности общества, признал выдачу доверенностей в части передачи организационных функций (не входящих в перечень управленческих функций) в целом не противоречащей закону. Суд также отметил, что наличие у общества поверенных, способных сдавать бухгалтерскую и налоговую отчетность, равно как и осуществлять иные текущие обязанности по организации работы общества с целью недопущения прекращения (затруднения) его деятельности, нельзя рассматривать как обстоятельство, нарушающее права и законные интересы акционеров¹⁰. Таким образом, к 2022 году доверенность, выдан-

⁸ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 06.02.2020 № Ф06-46495/2019 по делу № А65-24597/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Там же.

ная директором в объеме своих полномочий, квалифицируется как ничтожная сделка, поскольку полный объем правомочий директора создает их особую природу как непередаваемых. Не допускается передача по доверенности всего объема управленческих полномочий, в этом случае данная доверенность будет квалифицирована как фактическое назначение управляющего и будет признаваться ничтожной сделкой. То есть можно передавать по доверенности только часть управленческих полномочий. Тогда как организационные правомочия, направленные на выполнение текущих обязанностей по организации работы общества, вполне могут быть переданы по доверенности как частично, так и полностью. Поэтому вполне можно уполномочить вести общее собрание хозяйственного общества, однако при этом, как уже отмечалось, нельзя передавать право принимать решения о созыве общего собрания в ООО, поскольку в силу закона указанное право принадлежит только единоличному исполнительному органу (п. 2 ст. 35 Закона об ООО). Эти же правила должны действовать и в случае, когда происходит передача полномочий директора (на время отпуска, болезни, командировки) исполняющему обязанности (по приказу). Временно исполняющий обязанности может осуществлять ряд организационных полномочий, не относящихся к корпоративным правоотношениям. Речь прежде всего идет о выполнении обязанностей в трудовых отношениях, например по изданию приказов и заключению трудовых договоров, по подписанию бухгалтерской (финансовой) отчетности, по заключению сделок. Но, как представляется, в данном случае также не допускается получение и осуществление всех управленческих функций директора, а также отдельных полномочий, которые прямо запрещено передавать другим лицам единоличному исполнительному органу хозяйственного общества.

Библиография

1. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью», том 2, под ред. И.С. Шиткиной, Статут, 2021 // СПС «КонсультантПлюс».

2. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью». Том 1, под ред. И.С. Шиткиной. Статут, 2021.

3. Олейник О.М. Договор о передаче полномочий исполнительного органа общества: проблемы квалификации и применения // Закон. 2015. № 12. С. 150 — 158.

Реестродержатель: особенности правового статуса

Акционерное законодательство активно подвергается изменениям. Смысл всех новаций находится в русле общих направлений развития гражданского законодательства и связан как с включением в прямое регулирование новых групп общественных отношений, так и с увеличением отдельных правовых механизмов, вводимых в гражданский оборот. Новым механизмом, создавшим новый уровень регулирования прав акционеров и оборота прав на акции, стало введение новых требований к лицам, осуществляющим ведение реестра акционеров.

Правовой основой для создания новых требований к статусу держателей реестров акционеров послужила новелла, закрепленная в пункте 2 статьи 149 ГК РФ (статья 3 Федерального закона от 02.07.2013 № 142-ФЗ) (далее — ФЗ-142), в соответствии с которой «Учет прав на бездокументарные ценные бумаги осуществляется путем внесения записей по счетам лицом, действующим по поручению лица, обязанного по ценной бумаге, либо лицом, действующим на основании договора с правообладателем или с иным лицом, которое в соответствии с законом осуществляет права по ценной бумаге. Ведение записей по учету таких прав осуществляется лицом, имеющим предусмотренную законом лицензию»¹.

Таким образом, в соответствии с изменениями, внесенными Федеральным законом от 02.07.2013 № 142-ФЗ в ГК РФ, вступившими в силу с 1 октября 2013 года, ведение записей по учету прав на бездокументарные ценные бумаги осуществляется лицом, имеющим предусмотренную законом лицензию. Акционерные общества, которые на день вступления в силу указанного закона в соответствии с пунктом 3 статьи 44 данного документа были держателями реестров акционеров этих обществ, сохраняют право вести указанные реестры в течение года после дня его вступления в силу. По истечении года после дня вступления в силу данного закона акционерные общества были обязаны передать ведение реестра лицу, имеющему предусмотренную законом лицензию, в соответствии с пунктом 2 статьи 149 ГК РФ. Но в связи с этим сразу возникал вопрос: как при наличии некоего переходного периода, который был предоставлен ФЗ-142, действовавшим до 1 октября 2014 г., практически можно реализовать новые требования, введенные п. 2 ст. 67.1 ГК РФ о подтверждении состава участников и принятого решения в отношении публичных акционерных обществ реестродержателями, в отношении непубличных акционерных

¹ Федеральный закон от 02.07.2013 № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 08.07.2013, № 27, ст. 3434.

обществ — нотариусами и реестродержателями, который был введен на месяц раньше — с 1 сентября 2014 г.? При этом было понятно, что подтверждение решений общих собраний в акционерных обществах, проводимых после 1 сентября 2014 г., — это обязательное требование, которое нельзя не выполнить, иначе решение является ничтожным. Но подавляющее большинство акционерных обществ, как публичных, так и непубличных, не осуществили передачу ведения реестра акционеров 1 сентября 2014 г. При этом следует указать, что согласно Указу Президента РФ от 25.07.2013 № 645² упразднена ФСФР России. Ее функции переданы Банку России. Соответственно, с 01.09.2013 отчеты, сведения, уведомления, другая информация и документы, в соответствии с этими актами представляемые в ФСФР России либо подлежащие согласованию или утверждению данным органом, направляются в Банк России, согласовываются и утверждаются им (ч. 12 ст. 49 Федерального закона от 23.07.2013 № 251-ФЗ)³.

Ввиду указанных процессов, опосредующих появление в корпоративных отношениях и обороте акций профессиональных участников-реестродержателей, которые должны были появиться в корпоративных отношениях и во всех процедурах, сопровождающих корпоративную жизнь акционерных обществ с 1 октября 2014 года, Банк России подготовил письмо от 31 июля 2014 г. № 015-55/6227, в котором разъяснил механизм перехода акционерных обществ на обслуживание к профессиональному реестродержателю⁴. В частности, Банк России обращал внимание акционерных обществ, до настоящего времени не осуществивших передачу реестра регистратору, на необходимость до 02.10.2014 осуществить действия по:

- выбору и утверждению регистратора общества и условий договора с ним;
- подготовке документов и информации, необходимых и достаточных для передачи реестра;

² Указ Президента РФ от 25.07.2013 № 645 «Об упразднении Федеральной службы по финансовым рынкам, изменении и признании утратившими силу некоторых актов Президента Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 2013, № 30 (часть II), ст. 4086.

³ Федеральный закон от 23.07.2013 № 251-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с передачей Центральному банку Российской Федерации полномочий по регулированию, контролю и надзору в сфере финансовых рынков» // Собрание законодательства РФ, 29.07.2013, № 30 (Часть I), ст. 4084.

⁴ Письмо Банка России от 31.07.2014 № 015-55/6227 «Об обязанности акционерных обществ, ведущих реестр акционеров самостоятельно, передать ведение реестра акционеров регистратору, а также о ведении реестра акционеров публичных акционерных обществ независимым регистратором» // Вестник Банка России, 2014, № 72.

- заключению договора на ведение реестра;
- раскрытию информации об утверждении регистратора и уведомлению зарегистрированных лиц (если общество несет соответствующую обязанность);
- передаче реестра в согласованную с регистратором дату с выполнением сопутствующих обязанностей, в том числе по устранению несоответствий (если имеются);
- внесению в Единый государственный реестр юридических лиц сведений о регистраторе.

И, соответственно, с 1 октября 2014 года в российском гражданском обороте должен был появиться еще один квалифицированный участник — держатель реестра или реестродержатель, он должен был быть включен в корпоративные процедуры и механизмы всех акционерных обществ. Однако законодатель, меняя правила правового режима ценных бумаг, был вынужден во многом изменить правовой статус и реестродержателя. В силу этого правовые основания, определяющие новое содержание правового статуса реестродержателя, определяются во многом положениями Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (далее — Федеральный закон № 39-ФЗ)⁵. Согласно ст. 2 указанного закона реестродержателями могут быть только юридические лица, которые созданы в соответствии с законодательством Российской Федерации. Самыми распространенными и востребованными организационно-правовыми формами создания и деятельности реестродержателей являются общества с ограниченной ответственностью. Реестродержатели, как лица, осуществляющие деятельность по ведению реестра владельцев ценных бумаг, наряду с другими лицами квалифицируются как профессиональные участники рынка ценных бумаг. Правила, которые формируют деятельность держателя реестра в том числе содержатся в нормативных актах Банка России, а также в правилах ведения реестра, которые обязан утвердить держатель реестра. Требования к указанным правилам устанавливаются Банком России.

Депозитарий заключает с акционерным обществом договор, на основании которого оказывает соответствующие услуги⁶. Причем акционерное общество может иметь только одного реестродержателя; для того чтобы его сменить, необходимо расторгнуть договор с прежним реестродержателем и заключить следующий договор с новым реестродержателем. Основной деятельностью реестродержателя является ведение реестра акционеров.

⁵ Собрание законодательства РФ, № 17, 1996, ст. 1918.

⁶ См. подробнее: Ломакин Д.В. Коммерческие корпорации как субъекты корпоративных правоотношений: учебное пособие. М.: Статут, 2020. 146 с. // СПС «КонсультантПлюс».

В соответствии с п.1 Федерального закона № 39-ФЗ на сегодняшний день деятельностью по ведению реестра владельцев ценных бумаг признаются сбор, фиксация, обработка, хранение данных, составляющих реестр владельцев ценных бумаг или реестр акций непубличного акционерного общества в виде цифровых финансовых активов, и предоставление информации из таких реестров.

В обязанности держателя реестра входят следующие виды действий:

- открытие и ведение лицевых и иных счетов;
- предоставление зарегистрированному лицу, на лицевом счете которого учитывается более одного процента голосующих акций эмитента, информацию из реестра об имени (наименовании) зарегистрированных лиц и о количестве акций каждой категории (каждого типа), учитываемых на их лицевых счетах;
- информирование зарегистрированных лиц по их требованию о правах, закрепленных ценными бумагами, способах и порядке осуществления этих прав;
- предоставление зарегистрированному лицу по его требованию выписку из реестра по его лицевому счету;
- опубликование информации об утрате учетных записей, удостоверяющих права на ценные бумаги, в средствах массовой информации, в которых подлежат опубликованию сведения о банкротстве; обращение в суд с заявлением о восстановлении данных учета прав на ценные бумаги в порядке, установленном процессуальным законодательством Российской Федерации;
- исполнять иные обязанности, предусмотренные законодательством и соответствующими нормативными актами Банка России.

Значение реестродержателя для всей корпоративной деятельности акционерных обществ отмечает и И.С. Шиткина: «...дефекты в организации взаимодействия акционерного общества и реестродержателя могут приводить к нарушениям в части составления списка лиц, имеющих право на участие в общем собрании, что, в свою очередь, приводит к созданию условий для ущемления прав акционеров; плохая организация учета обращений акционеров может приводить к нарушению установленных законом сроков реагирования на требования акционеров о созыве внеочередного общего собрания, тем самым вынуждать акционеров обращаться за защитой нарушенного права в суд»⁷. Соответственно, фигура реестродержателя во многом определяет законность и правильность не только всех корпоративных процедур, но и саму возможность существования юридического лица как корпоративного участника гражданского оборота.

⁷ Корпоративное право: Учебник (отв. ред. И.С. Шиткина), Статут, 2019 // СПС «КонсультантПлюс».

Одной из важнейших функций держателя реестра является осуществление операций в реестре, связанных с переходом прав на ценные бумаги. Как отмечается в одном из судебных дел, требования о признании права собственности истца на бездокументарные акции и о восстановлении истца в реестре акционеров оставлены судом без удовлетворения. При этом суд отметил, что согласно статье 29 Закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ права, закрепленные эмиссионной ценной бумагой, переходят к приобретателю с момента внесения приходной записи по лицевому счету приобретателя. Такой записи относительно прав истца в реестре акционеров нет, а представленное истцом письмо председателя наблюдательного совета общества, в котором говорится о том, что истец является акционером общества, не может заменить выписку из реестра акционеров, полученную от его держателя⁸.

Обязательно участие реестродержателя и при залоге акций. Залог акций, в отличие от залога долей в обществах с ограниченной ответственностью, возникает с момента его регистрации у регистратора или депозитария в системе учета прав (согласно абз. 2 п.1 ст. 358.16). Договор залога акций не подлежит нотариальному удостоверению. В соответствии с п. 2 ст. 358.17 ГК РФ по умолчанию при залоге акций удостоверенные ими права осуществляет залогодатель (акционер), если иное не предусмотрено договором залога акций. В отношении правил оформления залога ценных бумаг действует в части, не противоречащей новому гражданскому законодательству, Порядок открытия и ведения держателями реестров владельцев ценных бумаг лицевых и иных счетов, утвержденный Приказом ФСФР России от 30.07.2013 № 13-65/пз-н (далее — Порядок ведения лицевых счетов)⁹. Реестродержатель обязан внести в реестр право залога именных эмиссионных ценных бумаг. Фиксация права залога осуществляется путем внесения записи об обременении заложенных ценных бумаг на лицевом счете залогодателя, на котором они учитываются. Для отражения информации о залоге ценных бумаг (в том числе об условиях залога и последующем залоге ценных бумаг) реестродержатель открывает залогодержателю в реестре владельцев именных ценных бумаг счет залогодержателя. Фиксация права залога осуществляется на основании залогового распоряжения. Оно должно быть подписано залогодателем (а также скреплено печатью юридического лица) и залогодержателем или их уполномоченными представителями (п. 6 Порядка учета, пп. 3.89, 3.96 Порядка ведения лицевых счетов). Запись о залоге по счету залогодержателя и запись об обременении ценных бумаг по лицевому

⁸ Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 15.03.2007 № Ф08-1133/2007 // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Российская газета (специальный выпуск), № 209/1, 19.09.2013.

счету залогодателя должны включать данные, содержащиеся в залоговом распоряжении, в том числе в отношении заложенных ценных бумаг и условий залога (п. 3.87 Порядка ведения лицевых счетов). Федеральным законом от 29.06.2015 № 210-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» внесены изменения в ФЗ «О рынке ценных бумаг», которыми созданы специальные правила, обобщившие порядок залога бездокументарных ценных бумаг (ст. 51.6 «Особенности залога и обременения иным способом бездокументарных ценных бумаг»). Ею установлено, что к отношениям, связанным с залогом бездокументарных ценных бумаг или с обременением их иным способом, положения Гражданского кодекса Российской Федерации применяются с учетом особенностей, установленных указанными в ней правилами. Особо указывается, что обременение бездокументарных ценных бумаг возникает с момента внесения держателем реестра или депозитарием записи об обременении по лицевому счету (счету депо) владельца, доверительного управляющего или иностранного уполномоченного держателя. В случаях, установленных федеральным законом, обременение ценных бумаг возникает с момента их зачисления на лицевой счет (счет депо), на котором учитываются права на обремененные ценные бумаги. Однако специально выделено исключение, позволяющее оценить данное правило как диспозитивное о том, что федеральным законом или договором может быть установлено, что обременение ценных бумаг возникает позднее.

Записи об изменении условий обременения бездокументарных ценных бумаг и о его прекращении вносятся на основании распоряжения владельца, доверительного управляющего или иностранного уполномоченного держателя при наличии согласия в письменной форме лица, в пользу которого установлено обременение, либо без такого распоряжения в случаях, предусмотренных федеральным законом или соглашением правообладателя с лицом, осуществляющим учет прав на бездокументарные ценные бумаги, и лицом, в пользу которого установлено обременение. Письменная форма согласия, предусмотренного настоящим пунктом, также считается соблюденной, если оно предоставлено держателю реестра или депозитарию в форме электронного сообщения, подписанного квалифицированной электронной подписью либо, если это предусмотрено правилами ведения реестра или условиями соглашения депозитария с лицом, в отношении ценных бумаг которого установлено обременение, и лицом, в пользу которого установлено такое обременение, простой или неквалифицированной электронной подписью.

Так как ст. 358.15 ГК позволяет включить условие о том, что права по заложенным акциям осуществляет залогодержатель, то устанавливается

обязанность реестродержателя внести информацию об этом в запись об обременении. В таком случае в список лиц, осуществляющих права по ценным бумагам, включается информация о залогодержателе, который осуществляет указанные права от своего имени.

В случае обездвижения документарных ценных бумаг, в том числе документарных ценных бумаг на предъявителя с обязательным централизованным хранением, установление залога или иного обременения таких ценных бумаг осуществляется путем внесения записи об этом по счету депо залогодателя или лица, в отношении ценных бумаг которого установлено обременение, либо путем зачисления на лицевой счет (счет депо), на котором учитываются права на обремененные ценные бумаги¹⁰.

В соответствии с абз. 3 п. 3 ст. 149.2 ГК РФ запись о прекращении обременения вносится на основании распоряжения правообладателя при наличии письменного согласия лица, в пользу которого установлено обременение. Данная запись может быть внесена без такого распоряжения в случаях, предусмотренных законом или соглашением правообладателя с лицом, осуществляющим учет прав на бездокументарные ценные бумаги, и лицом, в пользу которого установлено обременение.

Важно отметить, что в статье 358.15 ГК РФ установлено правило, вводящее применение к обороту бездокументарных ценных бумаг возможности применения норм об обороте документарных ценных бумаг субсидиарно, то есть при недостаточности специальных правил, регулирующих бездокументарные ценные бумаги.

Не менее важной функцией реестродержателя является сопровождение общих собраний публичных и непубличных акционерных обществ. В соответствии с п. 3 ст. 67.1 «Особенности управления и контроля в хозяйственных товариществах и обществах» ГК РФ по новому правилу принятие общим собранием участников хозяйственного общества решения и состав участников общества, присутствовавших при его принятии, подтверждаются в отношении:

- публичного акционерного общества лицом, осуществляющим ведение реестра акционеров такого общества и выполняющим функции счетной комиссии (п. 4 ст. 97);

- непубличного акционерного общества путем нотариального удостоверения или удостоверения лицом, осуществляющим ведение реестра акционеров такого общества и выполняющим функции счетной комиссии.

¹⁰ См. подробнее: Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к разделу III «Общая часть обязательного права» (под ред. Л.В. Санниковой). Статут, 2016 (автор комментария к ст. 358.15 — 358.17 — Илюшина М.Н.) // СПС «КонсультантПлюс».

Смысл данной нормы, введенной в действие с 1 сентября 2014 г. Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ¹¹, состоит в том, чтобы при отсутствии надлежащего внутрикорпоративного контроля в хозяйственных обществах за действиями прежде всего органов управления хозяйственных обществ было необходимо создать гражданско-правовые механизмы обеспечения прав как участников корпорации, так и самой корпорации¹².

Причем закон в отношении публичных акционерных обществ предоставляет только один вариант поведения: решение общего собрания может подтверждать только реестродержатель, а в отношении непубличных акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью предусматривается многовариантное поведение. Участники непубличных акционерных обществ могут подтверждать решение собрания и состав участников также путем нотариального удостоверения. Согласно п. 1 ст. 62 Федерального закона «Об акционерных обществах»¹³ и п. 4.32 Положения Банка России от 16.11.2018 № 660-П «Об общих собраниях акционеров»¹⁴ (далее — Положение № 660-П) счетная комиссия (регистратор общества, выполнявший ее функции) составляет протокол об итогах голосования.

В акционерных обществах протокол об итогах голосования на общем собрании подписывается при выполнении функции счетной комиссии регистратором общества — лицами, уполномоченными регистратором (п. 4.36 Положение № 660-П), причем, как отмечается в юридической литературе, именно благодаря услуге, предоставляемой реестродержателем, проведение общего собрания акционеров становится возможным путем электронного голосования по вопросам повестки дня¹⁵.

Надо понимать, что деятельность реестродержателя предполагает, что статус профессионального участника рынка ценных бумаг не дает возмож-

¹¹ Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 19. Ст. 2304.

¹² Илюшина М.Н. Новеллы законодательства и правоприменительной практики нотариального удостоверения решения собрания и состава участников хозяйственного общества, присутствовавших при его принятии // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 3. С. 26 — 32.

¹³ Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // Собрание законодательства РФ, 01.01.1996, № 1, ст. 1.

¹⁴ Положение Банка России от 16.11.2018 № 660-П «Об общих собраниях акционеров» (зарегистрировано в Минюсте России 09.01.2019 № 53262) // Вестник Банка России, № 3, 22.01.2019.

¹⁵ Загребаяева Е.В. Балансовая стоимость активов как критерий сделок, совершаемых в особом порядке, в условиях развития современных технологий // Юрист. 2020. № 2. С. 66 — 73.

ности этим юридическим лицам заниматься еще какими-то видами предпринимательской деятельности, кроме разрешенных лицензией. Анализ современного содержания сайтов реестродержателей позволяет сказать, что в перечень таких видов деятельности входят разного рода услуги.

Следует также отметить, что в связи с расширением использования информационных технологий на сегодняшний день все операции реестродержателем сопровождаются в цифровом формате, на основе ведения реестра. Например, реестродержателем ведется реестр владельцев эмиссионных ценных бумаг российских, международных компаний и инвестиционных паев, на основе реестра акционеров происходит осуществление функции счетной комиссии, на основе реестровых данных оказываются услуги по выплате доходов (дивидендов) по ценным бумагам, оказание услуг корпоративного секретаря, ведение регистрации выпуска акций при учреждении акционерного общества, оказание услуг эскроу-агента. Надо отметить, что дальнейшее развитие содержания современного правового статуса держателя реестров предполагает дальнейшую деятельность по созданию и поддержанию различного рода онлайн—сервисов¹⁶.

Библиография

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к разделу III «Общая часть обязательного права» (под ред. Л.В. Санниковой), Статут, 2016.

2. Загребаяева Е.В. Балансовая стоимость активов как критерий сделок, совершаемых в особом порядке, в условиях развития современных технологий // Юрист. 2020. № 2. С. 66 — 73.

3. Илюшина М.Н. Новеллы законодательства и правоприменительной практики нотариального удостоверения решения собрания и состава участников хозяйственного общества, присутствовавших при его принятии // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 3. С. 26 — 32.

4. Илюшина М.Н. Общие собрания в обществах с ограниченной ответственностью как правовое основание возникновения корпоративных прав и обязанностей: новеллы законодательства и правоприменительной практики и проблемы, ими порожденные // Нотариальный вестник, 2020, № 7.

5. Ломакин Д.В. Коммерческие корпорации как субъекты корпоративных правоотношений: учебное пособие. М.: Статут, 2020. 146 с. // СПС «КонсультантПлюс».

6. Корпоративное право: Учебник (отв. ред. И.С. Шиткина), Статут, 2019 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ URL: <http://mrz.ru/?yclid=2804030531211658724>.

Выход участника из общества с ограниченной ответственностью: формы внешнего и внутреннего контроля

Право на выход участника ООО из корпорации является одним из основных корпоративных прав¹, и его реализация может повлиять не только на имущественную сферу корпорации, но и самым непосредственным образом изменить качество товарищеского объединения.

В силу этого порядок его осуществления находится в постоянном внимании как законодательства, так и правоприменительной практики.

Особенность природы корпоративных правоотношений, как и всяких относительных правоотношений, предполагает необходимость использования при их прекращении определенного непротиворечивого механизма, позволяющего не только реализовать право на выход участника общества с ограниченной ответственностью, но и соблюсти все необходимые корпоративные процедуры, сохраняющие и обеспечивающие права как других участников корпорации, так и самого общества.

Современное законодательство о выходе из ООО прошло долгий путь становления, который и сам по себе может являться предметом самостоятельного исследования². Дело в том, что в первой редакции ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» в п. 1 ст. 26³ и в ст. 94 Гражданского кодекса РФ право на выход из ООО было закреплено в качестве безусловного субъективного права, которое реализовывалось любым из участников по собственному усмотрению в любое время. При этом у общества возникала обязанность выплаты такому бывшему участнику действительной стоимости его доли, определяемой на основании данных бухгалтерской отчетности общества за год, в течение которого было подано заявление о выходе из общества, либо с согласия участника общества было необходимо выдать ему в натуре имущество такой же стоимости, то есть отдать часть имущества. Как отмечалось Е.А. Сухановым, «реализация такой возможности связана с необходимостью выплаты уходящему участнику действительной стоимости его доли (либо выдачи с его согласия со-

¹ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 27.03.2019 № Ф06-44988/2019 по делу № А06-5735/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

² Илюшина М.Н Выход участника из общества с ограниченной ответственностью: корпоративная процедура и односторонняя сделка // Нотариальный вестник, 2016, № 6, С. 33-41.

³ Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 29.12.2015) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СЗ РФ, 1998, № 7, ст. 785.

ответствующего имущества в натуре), что может поставить общество в нелегкое положение»⁴.

Данное положение было закреплено в законодательстве как императивное правило.

Особенность именно такого порядка реализации права на выход из ООО была подтверждена и судебной практикой (п. 27 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 6, Пленума ВАС РФ № 8 от 01.07.1996 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»⁵). Следует отметить, что в первой редакции Закона об ООО такая непростая для общества ситуация частично излечивалась довольно лояльным правилом, закрепленным в п. 8 ст. 23 Закона об ООО о том, что такую выплату надо было произвести не позднее одного года с момента перехода к обществу доли (части доли), если меньший срок не предусмотрен уставом общества (сейчас такой срок составляет 3 месяца). Это позволяло обществу подготовиться к утрате определенной части имущественного статуса и (или) успеть осуществить необходимые действия для его восполнения. Указанный механизм регулирования права на выход продержался до 1 июля 2009 года, то есть до даты введения в действие самого масштабного блока изменений в Закон об ООО⁶. Указанный закон принципиально изменил исходные правила регулирования права на выход. С 1 июля 2019 г. участник ООО приобретал возможность реализовать право на выход из ООО только в том случае, если оно прямо закреплено в уставе. Если таковой записи не имеется, то и права на выход тоже не имеется. То есть законодатель отказался от квалификации права на выход из ООО как субъективного права, вытекающего из императивной нормы закона. Также в п. 7 ст. 23 Закона об ООО был уточнен и момент перехода права на долю такого участника к обществу в случае, если такое право имеется, а также для всех других случаев, когда участник имеет право требовать приобретения у него доли. Теперь таким моментом был назван момент получения обществом заявления о выходе (ранее было довольно неопределенное правило, закрепленное в п. 2 ст. 26 Закона об ООО, — момент подачи заявления обществу). Однако здесь следует отметить, что не претерпело никаких значимых изменений правило о том, что общество не вправе принимать решение о распределении своей прибыли между участниками общества до выплаты действительной стоимости доли

⁴ Суханов Е.А. Закон об обществах с ограниченной ответственностью // Хозяйство и право, 1998, № 5/СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Бюллетень Верховного Суда РФ, № 9, 1996, № 5, 1997.

⁶ Федеральный закон от 30.12.2008 № 312-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ, 2009, № 1, ст. 20.

или части доли участника общества в случаях, предусмотренных настоящим Федеральным законом.

Ранее действовавшая редакция статьи 94 ГК РФ и абзаца 6 пункта 1 ст. 8 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»⁷, предусматривавшая право участника общества выйти из него, устанавливала два способа такого выхода: путем отчуждения своей доли обществу, если такая возможность предусмотрена уставом общества, или потребовать приобретения обществом доли в случаях, предусмотренных Законом об ООО. Некоторые общие положения этого механизма были отражены и в п. 1 ст. 26 Закона об ООО, который установил, что участник общества вправе выйти из общества путем отчуждения доли обществу независимо от согласия других его участников или общества, если это предусмотрено уставом общества. Статья 94 ГК РФ раскрывает указанные способы выхода. Первый — путем подачи заявления о выходе, второй способ — предъявление к обществу требования о приобретении обществом доли в случаях, предусмотренных пунктом 3 статьи 93 настоящего Кодекса и Законом об обществах с ограниченной ответственностью. Речь идет о случаях, когда уставом общества отчуждение доли или части доли, принадлежащих участнику общества, третьим лицам запрещено и другие участники общества отказались от их приобретения либо не получено согласие на отчуждение доли или части доли участнику общества или третьему лицу при условии, что необходимость получить такое согласие предусмотрена уставом общества, общество обязано приобрести по требованию участника общества принадлежащую ему долю или часть доли.

Судебная практика осуществила квалификацию данных способов выхода. Судебные акты закрепили общий подход, о том что заявление участника общества о выходе из общества является односторонней сделкой, направленной на изменение учредительного договора. В одном из определений Верховного Суда РФ сказано, что «...исходя из положений статьи 94 Гражданского кодекса Российской Федерации и статей 8, 9, 23, 26 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», правовые последствия заявления о выходе участника из общества наступают исключительно в силу волеизъявления участника, направленного на прекращение прав участия в обществе. Такое волеизъявление является односторонней сделкой, поскольку для ее совершения в соответствии с законом необходимо и достаточно воли одной стороны (пункт 2 статьи 154 Гражданского кодекса Российской Федерации)»⁸. В последующих судебных актах ссылка на учредительный договор пропала, осталось

⁷ Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 29.12.2015) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СЗ РФ, 1998, № 7, ст. 785.

⁸ Определение Верховного Суда РФ от 18.04.2016 № 305-ЭС16-2571 по делу № А40-117162/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

только одно бесспорное исходное положение, отражающее оценку природы заявления на выход из ООО как односторонней сделки, которая в том числе может быть оспорена по правилам о недействительности сделки⁹.

Важно также обратить внимание на развитие данной позиции, выражающейся в том, что так как заявление о выходе из общества является односторонней сделкой, то выход может быть оспорен как ничтожная или оспоримая сделка¹⁰. Законодатель, восприняв осуществленную судебной практикой квалификацию выхода как односторонней сделки, и, продолжая реализацию известного направления регулирования корпоративных отношений — увеличение публичных процедур как внешних форм контроля за внутрикорпоративной деятельностью, с 1 января 2016 г. создал в целях защиты прав участников ООО новые правила оформления порядка выхода из ООО. Были внесены изменения в ст. 26 Закона об ООО¹¹, в силу которых заявление участника общества о выходе из общества должно быть нотариально удостоверено по правилам, предусмотренным законодательством о нотариате для удостоверения сделок.

Автором неоднократно отмечалось исключительно положительное значение введения нотариального удостоверения заявления о выходе, поскольку ранее содержание такого заявления оценивалось только на этапе судебного спора, что порождало в корпоративной практике множество всякого рода странных процедур, создающих неопределенность правовых последствий. Например, в силу появления разного рода заявлений участников в общество, содержащих в том числе элементы, которые можно оценить как требование о выходе, по одному из споров судом было прямо указано, что поданное заявление участника общества с ограниченной ответственностью, содержащее требование вывести его из состава участников общества и передать его долю в уставном капитале другому участнику, не признается заявлением о выходе

⁹ П. 13 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 10.12.2013 № 162 // Вестник ВАС РФ, № 2, февраль, 2014.

¹⁰ Постановлением ФАС Восточно-Сибирского округа от 23.09.2013 по делу № А19-2404/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Федеральный закон от 30.03.2015 № 67-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения достоверности сведений, представляемых при государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // СЗ РФ, 2015, № 13, ст. 1811; Федеральный закон от 29.06.2015 № 209-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части введения возможности использования юридическими лицами типовых уставов» // СЗ РФ, 2015, № 27, ст. 4000; Федеральный закон от 29.12.2015 № 391-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ 2016, № 1 (часть I), ст. 11.

из общества¹². Представляется спорным утверждение ряда авторов, что последние произошедшие изменения в корпоративном законодательстве допускают выход с направленной передачей доли конкретному лицу¹³.

При этом следует заметить, что, как и ранее, в силу п. 2 ст. 26 Закона об ООО не допускается и не допускается выход участников из общества в следующих случаях:

- в результате выхода в ООО не остается ни одного участника;
- из общества выходит единственный участник.

Кроме того, и современная редакция Закона об ООО, как и ранее, запрещает осуществлять действия, связанные с имуществом ООО, в том числе выплатой действительной стоимости доли ООО или выдачи имущества такой же стоимости выходящему участнику, если на момент этих выплат или выдачи имущества в натуре оно отвечает признакам несостоятельности (банкротства) в соответствии с федеральным законом о несостоятельности (банкротстве) либо в результате этих выплат или выдачи имущества в натуре указанные признаки появятся у общества.

Второй способ прекращения правовой связи участника и общества — предъявление к обществу требования о приобретении обществом доли в случаях, предусмотренных пунктами 3 и 6 статьи 93 ГК РФ и Законом об ООО. Такие случаи являются последствиями следующих внутренних корпоративных запретов, введение которых допускается законом:

— если уставом общества отчуждение доли или части доли, принадлежащих участнику общества, третьим лицам запрещено, а другие участники общества отказались от их приобретения либо не получено согласие на отчуждение доли или части доли участнику общества или третьему лицу при условии, что необходимость получить такое согласие предусмотрена уставом общества, общество обязано приобрести по требованию участника общества принадлежащую ему долю или часть доли (п. 3 ст. 93 ГК; ст. 23 Закона об ООО)¹⁴.

Кроме этого, в абзаце втором пункта 2 статьи 23 Закона об ООО содержится право участника в случае принятия общим собранием участников общества решения о совершении крупной сделки или об увеличении уставного капитала общества в соответствии с редакцией пункта 1

¹² Определение ВАС РФ от 22.06.2012 № ВАС-4009/12 по делу № А03-10074/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Тарасов К.А., Бруцкий А.В. Обзор практики применения норм законодательства о выходе из обществ с ограниченной ответственностью (часть 1) // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 1. С. 181 — 212 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ См. подробнее: Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 1-5/ Под ред. д.ю.н., проф. Санниковой. М.: Статут, 2015 (автор комментария к ст. 94 ГК РФ — Илюшина М.Н.), с. 459-461.

статьи 19 Закона об ООО¹⁵ потребовать у общества приобрести по требованию участника общества, голосовавшего против принятия такого решения или не принимавшего участия в голосовании, долю в уставном капитале общества, долю, принадлежащую этому участнику. Данное требование сейчас также подлежит обязательному нотариальному удостоверению по правилам, предусмотренным законодательством о нотариате для удостоверения сделок, и может быть предъявлено участником общества в течение сорока пяти дней со дня, когда участник общества узнал или должен был узнать о принятом решении. В случае если участник общества принимал участие в общем собрании участников общества, принявшем такое решение, подобное требование может быть предъявлено в течение сорока пяти дней со дня его принятия.

Однако сам по себе порядок осуществления выхода из ООО по правилам законодательства о нотариате, введенным с 1 января 2016 г., все-таки оставлял довольно существенную неопределенность для корпоративных отношений. Установленный порядок предполагал, что нотариус совершал нотариальное удостоверение заявления о выходе, убедившись в наличии права на выход у лица, подавшего заявление. Для этого им запрашивался устав ООО, поскольку именно на основе устава устанавливалось наличие этого права. Кроме того, нотариус должен был убедиться, что данная сделка совершена участником как волевое действие, то есть воля участника не подвергалась воздействию и не имеет пороков. Далее нотариально удостоверенное заявление участником передавалось в общество. При этом, хотя Федеральным законом 312-ФЗ в ст. 23 Закона об ООО (п. 7.1) и были введены правила, устанавливающие срок (1 месяц), когда это заявление должно быть передано единоличным исполнительным органом для внесения изменений в Единый государственный реестр юридических лиц (ЕГРЮЛ), и было указано, что данные изменения приобретают силу для третьих лиц с момента их государственной регистрации, однако неопределенность состава ООО сохранялась. Такое положение складывалось потому, что, поскольку в силу прямого указания закона участник считался вышедшим из состава ООО с момента подачи заявления в общество, третьи лица не могли этого знать, пока не внесены соответствующие изменения в состав ООО. В силу этого создавалась неопределенность и состава участников при подготовке и проведении общего собрания в ООО. Участник, подавший заявление о выходе, уже не мог принимать в нем участие, но это обстоятельство не было никому известно. Такое положение, как правило, создавало возможность для различного рода злоупотреблений. То есть у зако-

¹⁵ Федеральный закон от 30.03.2015 № 67-ФЗ (ред. от 29.06.2015) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения достоверности сведений, представляемых при государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // СЗ РФ, 30.03.2015, № 13, ст. 1811.

нодателя к 2020 году возникло понимание того, что необходимо создать нормативное правило, однозначно определяющее точный момент перехода прав на долю. Тем более что такое правило уже было установлено для всех иных видов перехода прав на долю: для перехода по всем отчуждательным сделкам, по брачному договору, по наследству, по решению суда. И этим моментом является внесение соответствующих сведений в ЕГРЮЛ. Именно для достижения целей определенности состоялось изменение правил о выходе из ООО. С 11 августа 2020 г. вступили в силу два федеральных закона¹⁶, внесших изменения в ГК РФ и в Закон об ООО в части совершенствования механизма выхода из ООО. В результате указанных изменений у нас появилось два порядка выхода из ООО. Во-первых, сохранился ранее существовавший порядок выхода, однако его могут применять с 11 августа 2020 г. только участники ООО, являющиеся кредитными организациями. Кроме того, появился второй порядок, распространяющийся на все другие ООО и устанавливающий, что при подаче участником ООО заявления о выходе из общества или предъявлении им требования о приобретении обществом принадлежащей ему доли, доля переходит к обществу с даты внесения соответствующей записи в ЕГРЮЛ в связи с выходом участника из общества. Изменился и порядок подачи заявления в ЕГРЮЛ. В силу новых положений статьи 26 Закона об ООО теперь все процедуры, связанные с внесением сведений в ЕГРЮЛ в связи с выходом из ООО, возложены на нотариуса. Соответственно, нотариус, удостоверивший заявление участника общества о выходе из общества, в течение двух рабочих дней со дня такого удостоверения подает в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц, заявление о внесении соответствующих изменений в ЕГРЮЛ, а затем не позднее одного рабочего дня передает обществу удостоверенное им заявление участника общества о выходе из общества и копию заявления о выходе.

Соответственно, изменилось и правовое регулирование момента возникновения обязанности ООО выплатить вышедшему из общества участнику действительную стоимость его доли в уставном капитале общества. Теперь эта обязанность возникает после внесения соответствующих изменений в ЕГРЮЛ.

Пришло понимание того, что общество с ограниченной ответственностью должно иметь способы сохранения и (или) уменьшения негативного

¹⁶ Федеральный закон от 31.07.2020 № 251-ФЗ «О внесении изменения в статью 94 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 2020, № 31 (часть I), ст. 5010; Федеральный закон от 31.07.2020 № 252-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» в части совершенствования процедуры внесения в Единый государственный реестр юридических лиц сведений о выходе участника общества с ограниченной ответственностью из общества» // Собрание законодательства РФ, 2020, № 31 (часть I), ст. 501.

влияния реализации права на выход из ООО на его имущественную сферу и экономические показатели. Надо признать, что эта потребность частично реализовывалась в договоре об осуществлении прав участников ООО или в корпоративном договоре, где устанавливались разного рода ограничения на выход (по сроку, до достижения определенных экономических показателей и т.д.). Но природа данного соглашения в качестве гражданско-правового договора не позволяла распространять его действия на вновь входящих участников, что во многом обессиливало действия соответствующих запретов. В силу этого с 11 августа 2020 г. законодательство предусмотрело возможность использования диспозитивным образом ряда соответствующих условий для реализации права на выход из ООО путем закрепления их в уставе, придав им статус корпоративных запретов и ограничений. Одни авторы называют их условиями реализации права участника на выход¹⁷, другие — ограничениями этого права¹⁸. Надо отметить справедливость данных позиций, поскольку в силу диспозитивности реализации самого права на выход и предоставленной законодательством вариативности при выборе корпоративных элементов механизма его реализации (в форме запретов, ограничений, процедурных требований, указанных в уставе) в обществах с ограниченной ответственностью может создаваться совершенно индивидуальный механизм выхода участников. Следует лишь заметить, что все указанные изменения не касаются ООО, созданных в качестве кредитных организаций. В связи с предоставленными обществу возможностями устанавливать самый широкий набор запретов и ограничений для выхода особую актуальность приобретает позднейшая судебная практика, которая также продолжает формировать основания и условия возникновения и реализации права участника ООО как на выход, так права требовать выплаты ему действительной стоимости принадлежащей ему доли и, соответственно, требовать выхода из общества. По одному из дел судебными инстанциями после анализа запретов, установленных уставом, был сделан вывод, что участник, в отношении которого действуют бессрочные условия о запрете на отчуждение доли или о необходимости получать согласие на ее отчуждение и такое согласие не получено, либо же уставом предусмотрена заведомо заниженная цена покупки доли по преимущественному праву на неопределенно долгий срок, вправе требовать от ООО, в силу пункта 2 статьи 23 Федерального закона № 14-ФЗ, приобрести принадлежащую такому участнику долю (часть доли) и выплатить ее

¹⁷ См.: Поваров Ю.С. Условия возникновения и реализации права участника на выход из общества с ограниченной ответственностью // Вестник арбитражной практики. 2020. № 5. С. 22 — 26.

¹⁸ Долинская В.В. Обзор новелл корпоративного права // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 10. С. 3 — 13.

действительную стоимость¹⁹. Суд справедливо посчитал, что в рассматриваемом деле за счет установления цены реализации преимущественного права в размере номинальной стоимости доли, по существу, участник вынужденно остается в обществе; при осуществлении преимущественного права по такой цене другими участниками он лишается справедливой стоимости принадлежащей ему доли в уставном капитале, что противоречит сути товарищеского соглашения, поскольку нарушает фундаментальный запрет полностью лишать участия в прибыли от общего дела (статья 1048 Гражданского кодекса). Это означает, что любой участник ООО может потребовать выплаты ему действительной стоимости доли, если у него отсутствуют возможность получить справедливую стоимость принадлежащей ему доли в уставном капитале способами, имеющимися в законодательстве.

Таким образом, на наш взгляд, судебная практика подтвердила позицию законодателя, что корпоративные запреты и (или) ограничения на свободную уступку доли не должны лишать участника возможности прекратить корпоративные отношения.

Таким образом, можно утверждать, что законодательство, регулирующее выход участника из ООО, и современная судебная практика, сохраняя значение проверочных правил в процедуре выхода как односторонней сделки, продолжают совершенствование механизма правового регулирования данных отношений, прежде всего, как имеющих корпоративную природу, наращивая в нем элементы корпоративного регулирования.

Библиография

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 1 — 5 / Под ред. д.ю.н., проф. Санниковой. М.: Статут, 2015 (автор комментария к ст. 94 ГК РФ — Илюшина М.Н.), с. 459-461.
2. Долинская В.В. Обзор новелл корпоративного права // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 10. С. 3 — 13.
3. Илюшина М.Н. Выход участника из общества с ограниченной ответственностью: корпоративная процедура и односторонняя сделка // Нотариальный вестник, 2016, № 6. С. 33 — 41.
4. Суханов Е.А. Закон об обществах с ограниченной ответственностью // Хозяйство и право, 1998, № 5.
5. Тарасов К.А., Бруцкий А.В. Обзор практики применения норм законодательства о выходе из обществ с ограниченной ответственностью (часть 1) // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 1. С. 181 — 212.

¹⁹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 11.06.2020 № 306-ЭС19-24912 по делу № А65-3053/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

Сделки, опосредующие оборот долей в ООО: современное состояние законодательства и правоприменения

Механизм правового регулирования оборота долей обществ с ограниченной ответственностью формировался довольно длительно и противоречиво. Как представляется, дело было не столько в недостаточно квалифицированном специальном регулировании, представленном в отдельных статьях ГК и специальном Федеральном законе «Об обществах с ограниченной ответственностью», сколько в отсутствии общей доктрины о сущности и содержании корпоративных прав и, соответственно, отсутствии определения их места в предмете гражданско-правового регулирования. Самым жестким ограничителем в развитии института оборота долей выступило содержание ст. 48 ГК РФ в первоначальной редакции. Именно эта статья закрепляла природу прав участников хозяйственных товариществ и обществ как обязательно-правовую. Как было указано в одном из судебных постановлений, «участник общества с ограниченной ответственностью не имеет вещного права на ранее переданное им в счет оплаты уставного капитала имущество, поскольку такая конструкция противоречит сути юридического лица, выступающего в гражданском обороте от своего имени и отвечающего по обязательствам своим собственным имуществом». На первый взгляд все было логично и правильно. Раз эти права нельзя признать имеющими вещную природу, значит они имеют обязательно-правовую природу. Как отмечал Д.В. Ломакин, «в данном случае законодатель исходил из традиционного разграничения гражданских правоотношений на вещные и обязательственные. Очевидно, что права участников хозяйственных обществ и товариществ, а также членов кооперативов не являются вещными, поскольку у указанных лиц прекращается право собственности на имущество, переданное в счет оплаты акций (долей, паев) юридическому лицу, которое становится собственником такого имущества. В то же время, например, участники хозяйственных обществ и товариществ имеют право принимать участие в распределении прибыли, получать в случае ликвидации товарищества или общества часть имущества, оставшегося после расчетов с кредиторами, или его стоимость. Данные права имеют несомненное сходство с обязательственными правами». Такое мнение было широко распространено в литературе (Е. Тимохина, С. Шевченко, Н. Бегунова) и подтверждено судебной практикой. Например, в постановлении Федерального арбитражного суда Центрального округа от 06.04.2009 № Ф10-1028/09 (1, 2) по делу № А09-4728/2008-23 говорится, что «доля

участника в уставном капитале общества является обязательственным правом (правом требования), а не вещным правом».

Эта позиция повлекла за собой появление в принятом 08.02.1998 г. Законе об ООО механизма оборота долей, который предусматривал две формы перехода доли: продажа и уступка иным образом, вследствие чего основной правовой формой оборота долей стало соглашение об уступке права требования. Указанный подход на длительное время создал довольно противоречивую правоприменительную практику в отношении как квалификации прав участников общества и самого общества на имущество, переданного в уставный капитал, так и в выборе способов защиты прав участников. Л.А. Новоселова отмечала: «Парадоксальность современного российского оборота не может не удивлять: предметом сделок, причем сделок каждодневных, становятся объекты, правовая природа которых окончательно не определена, а теоретические воззрения относительно их сущности не сформированы. И одним из таких объектов является доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью».

Однако надо отметить, что в юридической доктрине с момента появления указанных подходов сразу была обнаружена и показана противоречивость ситуации с выбором правовой формы, опосредующей возмездный переход долей, которая все-таки допускала применение к этим случаям правил п. 4 ст. 454 ГК РФ о купле-продаже вещей. В последующем в результате изменения взгляда на природу участия в ООО, потребностей договорной и правоприменительной практики законодателем был совершен ряд шагов по упрощению механизма отчуждения прав на долю в уставном капитале ООО и максимальному приближению ее к конструкции договора купли-продажи.

Продолжающаяся научная дискуссия выявила сложную природу прав участников хозяйственных обществ и создала основу для появления концепции корпоративных правоотношений и, соответственно, корпоративных прав, позднее нашедшей свое отражение в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, основные положения которой нашли свое закрепление в итогах реформы гражданского законодательства.

Учитывая эти обстоятельства, на наш взгляд, можно выделить три этапа становления правового механизма оборота долей в ООО.

1-й этап — с момента принятия ГК РФ и закрепления в статье 21 Закона об ООО (в первой редакции от 08.02.1998) правила, в результате которого было легализовано применение двух правовых форм перехода доли: продажи и уступки иным образом.

2-й этап — с момента принятия 30 декабря 2008 г. Федерального закона № 312-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Рос-

сийской Федерации» и принятых затем Федеральных законов от 19 июля 2009 г. № 205-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и от 2 августа 2009 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности», которые внесли масштабные изменения в российское корпоративное законодательство. Изменения коснулись Федерального закона «Об акционерных обществах» и Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», благодаря им был изменен правовой механизм отчуждения долей в ООО, в рамках которого был введен новый порядок совершения сделок с долями ООО и впервые предусмотрена нотариально удостоверенная форма, а в процедуру легализации нового участника были включены элементы публично-правового регулирования. Изменения редакции п. 2 ст. 21 Закона об ООО предусматривали, что теперь таких сделок может быть две: купля-продажа и отчуждение иным образом. При этом законодателем, на наш взгляд, намеренно, с учетом изменившегося взгляда на природу участия в ООО, совершен ряд шагов по упрощению понятийного аппарата отчуждения прав на долю в уставном капитале ООО и максимальному приближению ее к схеме договора купли-продажи. Это проявилось и в смене терминологии, употребляемой в Законе об ООО:

1) понятие «продажа или уступка доли в уставном капитале» было заменено понятием «продажа или отчуждение иным образом доли

в уставном капитале»;

2) права участников общества, закрепленные ст. 8 данного Закона об ООО, были расширены за счет предоставления права продать или иным образом осуществить отчуждение своей доли или части доли в уставном капитале общества не только одному или нескольким участникам данного общества, но и другому лицу в порядке, предусмотренном данным законом и уставом общества.

Таким образом, в соответствии с новой редакцией Закона об ООО нотариальная форма была введена для оформления следующих случаев перехода прав на долю в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью:

1) при отчуждении доли в следующих правовых формах:

- купли-продажи;
- мены;
- дарения;
- отступного;
- пожизненной ренты;

2) следующим участникам гражданского оборота:

- всяким третьим лицам (п. 2 ст. 21);
- другим участникам общества, приобретавшим долю без соблюдения права преимущественной покупки.

Кстати, классической отчуждательной сделкой, требующей нотариального оформления, стала признаваться и продажа с публичных торгов доли в ООО как государственного и муниципального имущества.

Был установлен момент перехода прав на отчуждаемую долю и момент перехода корпоративных прав к новому приобретателю. Доля или часть доли в уставном капитале общества считалась перешедшей к ее приобретателю с момента нотариального удостоверения сделки, направленной на отчуждение доли или части доли в уставном капитале общества, либо в случаях, не требующих нотариального удостоверения, с момента внесения в Единый государственный реестр юридических лиц соответствующих изменений на основании правоустанавливающих документов или с момента подачи заявления о выходе (п. 7 ст. 23 Закона об ООО).

Для всех случаев отчуждения и перехода доли (части доли) в уставном капитале ООО в законодательстве были установлены прямые запреты на отчуждение.

Во-первых, доля, не оплаченная в полном размере, могла быть отчуждена только в той части, в которой она оплачена (п. 4 ст. 93 ГК РФ, п. 3 ст. 21 Закона об ООО). При частичной оплате доли она не могла быть отчуждена (а переход прав состояться) лишь в оплаченной части.

Во-вторых, участник мог продать свою долю (часть доли) третьим лицам только в случае, если это не запрещено уставом общества (ч. 2 п. 2 ст. 21 Закона об ООО).

В-третьих, участник был вправе уступить свою долю (часть доли) третьим лицам только в случае и в порядке, если иное не установлено договором об осуществлении прав участников общества (п. 3 ст. 8 Закона об ООО).

Одним из ограничений отчуждения доли было введено преимущественное право участников на приобретение доли. Правилom пункта 4 ст. 21 Закона об ООО было предусмотрено, и это правило сохранено и усилено позднейшими изменениями, что участники общества и (или) само общество, если это предусмотрено уставом, пользуются преимущественным правом на приобретение доли при ее продаже. Участники общества пользуются преимущественным правом покупки доли или части доли участника общества по цене предложения третьему лицу или по отличной от цены предложения третьему лицу и заранее определенной уставом общества цене пропорционально размерам своих долей, если уставом общества не предусмотрен иной порядок осуществления преимущественного права покупки доли или части доли. Важно отметить,

что преимущественное право покупки действует только в случае отчуждения доли третьим лицам. Следовательно, при отчуждении доли участнику общества у других участников не возникает преимущественного права. При этом соблюдение преимущественного права обязательно только при продаже доли, а в случаях безвозмездного отчуждения доли оно не действует (например, при дарении). Данной позиции придерживалась и судебная практика. Так, в Постановлении Федерального арбитражного суда Московского округа от 10.06.2004 г. говорится, что «на случай безвозмездной передачи участником принадлежащей ему доли третьему лицу права преимущественной покупки не распространяются».

3-й этап становления механизма оборота долей связан с внесением изменений в ГК РФ, когда впервые был создан механизм регулирования корпоративных отношений, включая изменения в обороте долей ООО путем введения новых договорных и обязательственных инструментов регулирования корпоративных отношений, и последующими изменениями, внесенными в Закон об ООО Федеральным законом от 30.03.2015 № 67-ФЗ (ред. от 29.06.2015) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения достоверности сведений, представляемых при государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» и Федеральным законом от 29.12.2015 № 391-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

В результате реализации указанных изменений были не только созданы новые правовые формы оборота долей, такие как опцион, но и выполнены и изменены существовавшие процедуры, опосредовавшие отчуждение долей.

Во-первых, были восполнены пробелы правового механизма совершения отчуждательных сделок с долями в целом. Это выразилось в следующем:

— требование нотариального удостоверения впервые было распространено на все сделки с долями, включая и сделки, совершаемые в результате использования права преимущественной покупки (абз. 1 п. 11 ст. 21 Закона об ООО). Соответственно, были уточнены и случаи, когда нотариального удостоверения оформления перехода прав на долю не требуется. Нотариальное удостоверение этой сделки не требуется в случаях перехода доли или части доли к обществу, предусмотренных п. 18 ст. 21 и пп. 4 — 6 ст. 23 названного закона, и в случаях распределения доли между участниками общества и продажи доли всем или некоторым участникам либо третьим лицам в соответствии со ст. 24 данного закона (абз. 2 п. 11 ст. 21 Закона об ООО). Это действительно важное восполнение, поскольку ранее сделки, совершаемые в рамках реализации права преимущественной покупки, могли быть совершены в простой письменной форме.

Это в свою очередь создавало ситуацию, при которой сделка по приобретению доли внутри общества не проходила проверку на законность, что в значительной степени увеличивало риски приобретателя;

- было введено требование о необходимости оформления любой сделки с долями в виде одного письменного документа, подписанного обеими сторонами (исключение составил опцион, но для него были предусмотрены специальные правила);

- был изменен момент, с которого доля считается перешедшей к приобретателю. Доля или часть доли в уставном капитале общества теперь переходит к ее приобретателю с момента внесения соответствующей записи в Единый государственный реестр юридических лиц, за исключением ситуаций, предусмотренных п. 7 ст.23 Закона об ООО, предусматривающей иной момент перехода прав на долю обществу в случаях получения обществом требования участника общества о ее приобретении, заявления участника общества о выходе из общества, если право на выход из общества участника предусмотрено уставом общества, истечения срока оплаты доли в уставном капитале общества или предоставления компенсации, предусмотренной пунктом 3 статьи 15 настоящего Федерального закона, вступления в законную силу решения суда об исключении участника общества из общества либо решения суда о передаче доли или части доли обществу в соответствии с пунктом 18 статьи 21 настоящего Федерального закона и т.д.;

- был изменен субъект, подписывающий заявление о внесении соответствующих изменений в Единый государственный реестр юридических лиц. Такое заявление теперь подписывается усиленной квалифицированной электронной подписью нотариусом, удостоверившим договор, направленный на отчуждение доли или части доли в уставном капитале общества в форме электронного документа, и им направляется в Единый государственный реестр юридических лиц. Новое правило позволило выйти из почти тупикового положения, длительное время существовавшего в правоприменительной практике. Как отмечается в юридической литературе, дело в том, что редакция заявления по форме № Р14001, утв. Приказом ФНС России от 25 января 2012 г. № ММВ-7-6/25@, которое передается в регистрирующий орган, не предусматривала возможности его подписания лицом, представляющим по доверенности интересы физического лица, отчуждающего долю (в отличие от юридических лиц, представители которых могут по доверенности подписать соответствующее заявление). В связи с этим сложилась и длительное время существовала ситуация, когда участники — физические лица, отчуждающие долю, должны были всегда лично присутствовать не только при заключении сделки, но и при подписании соответствующего заявления усиленной квалифицированной электронной подписью. Новый механизм решил

указанные проблемы. При этом по просьбе заявителя нотариус выдает ему соответствующие документы на основании удостоверения равнозначности документов на бумажных носителях электронным документам в соответствии с законодательством о нотариате или в форме электронных документов.

Кроме того, был создан механизм реализации права преимущественной покупки доли в ООО обществом, право реализации которого было предоставлено еще в 2009 году ФЗ-312. Да, действительно, общество могло закрепить такое право для себя путем внесения указания на него в устав. Однако Закон об ООО был так написан, что реализовать его было невозможно, поскольку весь предусмотренный в законе срок для реализации права преимущественной покупки — 30 дней — предоставлялся самим участникам общества, а по закрепленным в законе правилам реализация обществом имеющегося права преимущественной покупки продаваемой доли была возможна только после истечения этого срока. То есть никогда. То есть декларированное право преимущественной покупки доли обществом была возможна только, если участники отказывались от реализации права преимущественной покупки ранее 30 дней и общество узнавало об этом. Такая ситуация, по сути, блокировала право преимущественной покупки для общества. Законодатель вводит ряд новых правил. Во-первых, закон устанавливает для общества свой собственный срок для реализации права преимущественной покупки доли в 7 дней, которые начинают течь после истечения 30-дневного срока, и, кроме того, теперь обществу предоставляется право внести в устав положения, предусматривающие более продолжительные сроки использования преимущественного права покупки доли или части доли в уставном капитале общества его участниками, а также самим обществом. Все эти правила, как представляется, впервые создали непротиворечивый механизм реализации права преимущественной покупки продаваемой доли как участниками, так и обществом.

Новая концепция регулирования корпоративных отношений, введение в ГК новых специальных договорных форм и их активное включение в договорную практику также потребовали закрепления специальных правил в механизмы оборота долей, отражающие особенности природы данных сделок. Примером такого специального подхода является закрепление в пункт 11 статьи 21 Закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» правила, в силу которого всякая сделка, направленная на отчуждение доли или части доли в уставном капитале общества, во исполнение опциона на заключение договора, может быть совершена путем отдельного нотариального удостоверения безотзывной оферты (в том числе путем нотариального удостоверения соглашения о предоставлении опциона на заключение договора), а впоследствии — нотариального

удостоверения акцепта. Это новое правило позволило начать вводить в правоприменительную практику оферту, которая представляет собой не одностороннюю сделку в виде документа, подписанного только одной стороной, но и оферту, которая содержится в двустороннем соглашении будущего продавца и покупателя доли в ООО, что в значительной степени упрощает всю процедуру проверки и, конечно, заключения опциона на куплю-продажу долей в ООО.

Наконец, впервые в законе был сформирован перечень документов, на основании которых устанавливается законность приобретения доли или части доли в уставном капитале общества (п. 13.1 ст. 21 Закона об ООО). В последующем законодательство о нотариате создало развернутый процессуально-процедурный механизм сопровождения сделок с долями.

Делая общий вывод об итогах становления сделкового механизма оборота долей в обществах с ограниченной ответственностью, следует отметить, что за время существования законодательства об обороте долей законодатель максимально повысил оборотоспособность долей. Это выразилось в восприятии как ряда классических, так и новых гражданско-правовых обязательственных и договорных инструментов, уточнении и упрощении процедуры сделок с долями, устранении внутренних противоречий, восстановлении обеспечения баланса корпоративных и частных интересов в правовом механизме оборота долей. Вместе с тем системный анализ нововведений позволяет заключить, что механизм сделок с долями, получив такую степень детализации по форме и содержанию в специальном законодательстве, на сегодняшний день по ряду позиций выведен из-под действия общих норм обязательственного и договорного права ГК РФ.

Библиография

1. Бегунова Н. Наследование долей в ООО // ЭЖ-Юрист. 2004. № 15.
2. Илюшина М.Н. Сделки с долями в уставном капитале Общества с ограниченной ответственностью: Учебное пособие. М.: РПА Минюста России. 2012.
3. Кандауров И.А. Сделки с долями обществ с ограниченной ответственностью после 1 января 2016 г.: что нового? // СПС «Консультант-Плюс».
4. Комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью» (постатейный) под ред. В.В. Залесского, М.: Контракт, ИНФРА-М, 1998.
5. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // Вестник ВАС РФ, № 11, 2009.

6. Новоселова Л.А. Оборотоспособность доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Объекты гражданского оборота: сб. ст. М.: Статут, 2007.

7. Ломакин Д.В. Корпоративные отношения и предмет гражданско-правового регулирования // Законодательство. 2004. № 5, 6.

8. Новоселова Л.А. Оборотоспособность доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Объекты гражданского оборота: сб. ст. М.: Статут, 2007. С. 207.

9. Постатейный комментарий к главам 1 — 5 / Под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Санниковой. М.: Статут, 2015.

10. Тимохина Е.В. Продажа доли в уставном капитале ООО: платить ли НДС? // Экономика и жизнь. 2000. № 13.

11. Шевченко С. Переход долей общества с ограниченной ответственностью // Законность. 2004. № 10.

ФЕДЕРАЛЬНАЯ НОТАРИАЛЬНАЯ ПАЛАТА

Автономная некоммерческая организация
дополнительного профессионального образования
«Центр научно-методического обеспечения нотариальной деятельности»

М.Н. Илюшина

НОВЕЛЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ О НОТАРИАЛЬНОМ СОПРОВОЖДЕНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

(сборник статей)

**Корректор Н.В. Григорьева
Дизайн обложки и верстка Д.А. Зотов**

Электронная версия издания размещена на официальном сайте
АНО ДПО «Центр научно-методического обеспечения
нотариальной деятельности»

(раздел: «Информация», вкладка «Электронная библиотека»;
<https://NotaryNmc.ru/atheNcum/>)

Оригинал-макет подготовлен Фондом развития правовой культуры

При перепечатке и цитировании материалов ссылка
на настоящее издание обязательна